

■ Антарктида: Неожиданная звезда. Фотоочерк. ■ Марк Захаров. Взгляд исподтишка.
■ ВМФ: Кто смотрит через розовые очки? ■ Юные «резиденты». Документальная история.
■ Эдуардас Межелайтис. Новые стихи из книги «Гномы». ■ Чертовщина. Мистерия в духе Хичкока.

фото Владимира КОКОВКИНА

СМОТЯВО

17

ISSN 0131-5656

**АХ, ЛЕТО,
ЛЕТО...**

(Читайте стр. 20—21.)

...К тому же я решил попробовать записывать не только то, что говорит Марк Захаров, но и как он говорит. Записывать не только произнесенное слово, но и интонацию, взгляд, выражение глаз, которые это слово сопровождают. По меньшей мере мне это представлялось интересным. Трудность, конечно, была: художественный руководитель Ленкома — и это как бы система — всегда держится с собеседником бесстрастно, «отодвинуто». Он садится рядом, но, начиная говорить, никогда не смотрит в глаза. Виден только его профиль с неизменным, живущим где-то за кончиком носа лукавством. Он блистательно отторгает, предпочитая взаимодействовать с пространством, и тем самым заставляет слушать себя напряженно и внимательно.

ДИАЛОГИ В ЛИЦАХ

А сейчас он сказал: «Это интересно». И не улыбнулся. Я повторил:

— Марк Анатольевич, но ведь вы очень любите, когда вам стремятся понравиться. И в особенности — молодые артисты...

Он ответил: «Угу», крутанул коробку моих спичек, пристально рассматривая отчерк серы, и сказал:

— Чрезмерное желание понравиться режиссеру и публике может вызвать обратную реакцию — таково свойство нашей психики.

Затем он вновь отвернулся к зашторенному окну. Туда и говорил:

— Мы с большим уважением относимся к человеку независимому, спокойному, презирающему суету. Кроме того, я считаю, что актер становится большим актером, когда ему удается выразить не только собственную личность, но и нечто большее. Это свойство я называю социальным обаянием. Часто привожу в пример судьбу Евгения Павловича Леонова. Сначала он был молодым актером с малоинтересной внешностью (таких много), постепенно начал выделяться обаянием (таких еще больше), а затем — как считает Леонов, с фильма «Донская повесть», а по моему, с «Белорусского вокзала». — он становится народным независимо от звания артистом. Ему удалось выразить большой социальный пласт людей. Мы узнавали в нем многих, хотя он ни на кого не походил конкретно. В его последних театральных работах, которые мне очень дороги, удалось собрать как бы весь наш «государственный криминал», морем разлитый по многочисленным номенклатурным физиономиям, формировавший принцип мышления, общения и даже биологические, тактические ходы, пассажи, уловки. Все это Евгений Павлович, будучи еще и человеком наблюдательным, смог, по моему, наиболее полно реализовать в роли Вожака в моем спектакле «Оптимистическая трагедия». Роль эта многих обидела, что радует. Настоящая сатира та, которая обижает...

— Вы, Марк Анатольевич, умеете «раскручивать» артистов. И очень часто эксплуатируете при этом их внешние данные. Можете со мной не соглашаться, но если бы не внешность Леонова, Янковского, Абдулова, Алферовой, магически действующая с киноэкрана, вряд ли Ленком был бы так непотопляем, как сегодня. Киноинерция, если так можно сказать, работает на театр, даже если театр иной раз и не заслуживает столь пристального зрительского внимания.

своим птичьим профилем и снова крутил в пальцах коробку спичек. Ответил не сразу:

— По идее, я должен сейчас ополчиться на вас внутренне и запротестовать. Не буду. Исходя из принципа, что покупатель всегда прав. А насчет красоты — тема интересная...

Как добиться красоты? Тут я, пожалуй, дам самый главный и актуальный совет молодым актерам. В нашем деле она — я совершенно с вами согласен — имеет большое значение. Огромное дело — изначальный капитал, внешние данные, что пришли неизвестно откуда, вроде бы от родителей, хотя и не совсем от них — мы ведь не точная копия своих отцов и матерей, иначе и не слезли бы с дерева. Наша собственная работа над внешностью, независимо от наших родителей, которых, конечно, стоит поблагодарить в случае удачи, — проблема немаловажная. Сделать свою внешность обаятельной — задача сложная, и простая улыбка здесь не поможет. Обрести свой стиль (включая косметику, прическу, одежду), пусть не сразу (методом проб и ошибок), — актеру необходимо. Знаю, могу вызвать скептические и саркастические улыбки, но без своего стиля нельзя — профессия наша публичная. Интересно, что кинозвездами становятся вовсе не самые красивые. Такие зарубежные кумиры, как Бельмондо, Брижит Бардо или длинноногая, с выпирающими костями Лайза Минелли, — отнюдь не красавицы. Красивы ли Инна Чурикова или Николай Караченцов — эти споры сейчас, по крайней мере в моем присутствии, в значительной степени поутихли, ибо даже те, кого не устраивает их внешность в качестве эталонной, согласились в конце концов, что это очень интересные люди, актеры со своей неповторимой и очень выразительной индивидуальностью.

Убежден, что изменять, развивать и преобразовывать себя можно с помощью самой загадочной субстанции — с помощью мысли. На Льва Николаевича Толстого в молодости смотреть было неинтересно, его изображение в молодые годы вызывает разве что вялое любопытство, а вот по прошествии большого количества времени, после многих лет мучительной духовной работы, раздумий и страданий, этот седовласый мудрец обрел пронзительную человеческую красоту. Не обаяние, не милоту, не приятность. Красоту.

Естественно, я не хочу сказать молодым: «Подождите до старости, а там разберемся, что из вас получилось». Я говорю о самом принципе тех изменений, которые происходят в лице человека, его глазах, морщинах, его внутреннем и внешнем излучении. Не надо быть тибетским лекарем, чтобы по внешнему виду человека догадаться о внутренних механизмах его духовной и материальной жизни. Театральный зритель, в общем, довольно быстро понимает, какими мыслями живет тот или иной артист, какой ведет образ жизни...

— Вы как-то заметили, что и субъективное на сцене неплохо, если неплохо сам субъект. Что вы имели в виду?

— Я рад, что вы так тщательно изучили мое теоретическое наследие. — Он взглянул на меня с тем обескураживающим серьезом, после которого хочется отряхнуть плечо, переложить с места на место ручку, в общем, сделать что-то. Повисла пауза.

— Судя по вашим работам и высказываниям в печати, — не сразу начал я, — вы много внимания уделяете форме спектакля, которая, говоря образно, частично ведет себя вызывающе на сцене вашего театра.

— Однажды Виктор Розов, — моментально ответил Захаров, — на одном заседании очень смешно сказал, что жил,

жил и только сейчас понял, что форма важнее содержания. Так вот, беру смелость утверждать, что в нашем искусстве иногда важно не столько «что», сколько «как» и «кто». Сегодня важно погрузить зрителя в поток эмоционального восприятия мира. Театр для меня — всегда поэтическая фантазия и вместе с тем это всегда сочинение...

ИЗ РЕЖИССЕРСКИХ ЗАПИСЕЙ
ВО ВРЕМЯ РЕПЕТИЦИИ
СПЕКТАКЛЯ
«ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ»

...Вожак — руководитель улыбчивый, заботливый, агрессивно безграмотный. Уверен, что натура его совершенна и потому бескультурье, иссушающее его мозг, становится силой страшной, разрушительной.

...Интересно, сколько главных редак-

торов центральных изданий владеет английским языком?..

...Совсем необязательно, что правое дело сразу побеждает. Совсем необязательно, что человек, который борется за правду, выходит победителем — жизнь сложнее и коварнее. Интересно проследить один день жизни человека, который решит жить только по правде!

...Отказаться от комиссарской традиционной кожанки!

...Терпение! Не терпимость, не терпеливость, а терпение. То самое, что позволяло возводить пирамиду Хеопса, что позволяет кандидатам в президенты выигрывать предвыборные кампании, что позволяет матерям рожать, а самым непокорным идти на эшафот с улыбкой, поскольку они — обреченные и прозревшие — знают: их терпение сверстает завтрашний день, их терпеливая непокорность отзовется и породит новых непокорных, новых недовольных. Терпение, в зависимости от жизненных выражей, умеет принимать форму страдания, унижения или протеста. Ведь протест как результат — це-

Андрей КУЧЕРОВ

Фото Сергея ВЕТРОВА

МАГШЕТА

ленаправленное терпение. (Алексей — Караченцов)

...Еще никому не удавалось закрыть одним телом семь амбразур сразу. Генерал коммерции не шутил, предостерегая от дешевой ломки стульев. Тов. Бендер благодаря большому жизненно-му опыту догадывался: если вода начи-

нает точить камень, надрывать не стоит. Надо подождать, и вода сделает свое дело. Тов. Бендер проигрывал редко и уважительно относился к переходным периодам. (туда же...)

...Бросок всегда пьянит. Отсутствием небес. Самообман. Один бросок уже глубоко засечен нашей памятью. Мы до

сих пор, озираясь, пытаемся разобраться, куда нас бросило. Тот бросок, казавшийся мгновенным раем, вытянулся в длинный мучительный марафон в... никуда. Тогда же, как под гипнозом, одним росчерком — «господа офицеры, голубые князья...», — и к стенке. К стенке! Те, кому повезло и кто смог метнуть последний взгляд на отторгаемую горизонтами Россию, вспоминают и жалеют свою страну до сих пор. Искренне вспоминают и искренне жалеют. А ведь тогда топорно, с бесшабашной верой в «из искры возгорится пламя» рубили свои же корни. В небо запустили буре-вестников, которые только и могли, что гордо реять. Их не пугали черные фабричные трубы. В выбросах дыма они чувствовали себя превосходно. Белых вольнолюбивых птиц извели. Не сразу, конечно... (Это для Янковского, для его лейтенанта Беринга.)

...Нагтели постепенно. Начинали лагерями, заканчивали расстрелами в за-тылки. Я никогда не поверю, что виноват только Сталин и только сталинское окружение. Виновата доктрина, программирующая создание культов и культивирующая последующие расправы. Культы не возникают из воздуха. Культам нужна культивация. Сталин не случайно активно создавал культ личности Ленина, а уж затем, приучив и выставив, начал подводить постамент под собственные ботинки. Мы все-таки учимся понимать, что нам не нужны бюсты и изваяния. Но не умеем мы еще без бюстов и изваяний. Нет у нас вольнолюбивой истории. Разбивая одни бронзовые головы, тут же отливаем другие. Это уже в крови. (Леонову Е. П. — его Вожаку.)

...До слез обидно, что тогда, на Сенатской площади, интеллигенция потерпела фиаско. Просто до слез обидно! Их вычеркнули как класс. Как мысль нации. Как смысл, как гордость нации. Как породу, которую природа долго оттачивает и бережет, чтобы однажды предъявить миру. С которой можно брать пример. С породистых людей брать пример полезно. Беда нынешнего момента в том, что мало породистых людей. Мало таких, ради которых хотелось бы работать... (в сцену Комиссар — Алексей.)

...Они прощались, предчувствуя. Страдали, предчувствуя. Они дрались не столько за власть, сколько за культуру и за возможность объяснить свои предчувствия. Они пытались, как могли, не дать нарушить связь времен. (Янковскому — Гамлет.) И еще они дрались за болезненное, из крови кричащее право — чтобы их дети, внуки,

дования касательно нашей памяти и наших же родословных! Если мы и можем оглянуться, то на свисток милиционера, стерегущего пешеходную зону... (атмосфера сцены).

От себя добавлю: это написано Марком Захаровым в ноябре 1983 — январе 1984 года, в период активной работы над пьесой Вс. Вишневского «Оптимистическая трагедия».

ДИАЛОГИ В ЛИЦАХ

— ...И тем не менее после «Юноны и Авось» вы ставите «Трех девушек в голубом» — спектакль, так сказать, тихий, где никто уже не толпится и дыма вроде бы нет. Или же вы вспомнили в тот период просьбу Константина Сергеевича Станиславского, который рекомендовал переучиваться через каждые пять лет?

— Он слишком много времени отпустил на переучебу, хотя Станиславского надо чтить, — ответил Захаров. Затем поднялся из кресла и включил в кабинете свет: на улице уже стемнело. — Дело не только в гении Константина Сергеевича. Как-то я показал своей подрастающей дочери старые, пожелтевшие фотографии своих предков, которых почти не осталось на свете. И вдруг понял, что эти фотографии, эта память ее очень мало интересуют. Потом она остановилась на каком-то снимке и спросила: кто это? Я не смог ответить на ее вопрос и со смертью моей матери уже не смогу на него ответить, не смогу передать своей дочери никаких сведений о человеке, имеющем отношение к моей жизни или жизни близких мне людей... Меня эта ситуация повергла в большую тоску...

(После паузы). Во все времена наиболее передовая часть общества следила за собой во времени и пространстве. Люди хорошо помнили, кем были их бабушки, прабабушки, прапрабабушки. У дворянства был в обиходе даже такой термин, как «пращур». Память человека простиралась очень далеко. Люди рассматривали себя очередным звеном в единой цепочке восхождений, неудач, побед. Сегодня мы скорбим о том, что дальше бабушки наша память не простирается. В спектакле я попробовал поднять эту проблему преемственности. Мне хотелось, чтобы люди, населяющие спектакль, мыслили как бы голографически, чтобы они задумывались о некоторых категориях, над которыми сегодня стоит задумываться нам всем.

Тут он откинулся в кресле, выпрямился и посмотрел на меня, что называется, в упор:

— В свое время, помнится... — произнес он, — спектакль сильно били за черноту и мелкотемье, излишние бытовизмы. И вы, Андрей Юрьевич, тоже повеселились на этот счет.

— Да, помню, — сказал я и почему-то смутился. — Надо ли смотреть на жизнь такими грустными глазами, да еще через щели полуразвалившегося дачного туалета, да еще пригибаясь от свиста пикирующего на голову лайнера... Кажется, так?.. Но, собственно, я и сейчас не открещусь от этих строк!

— Ваше право. Я о другом. Почему-то считается, если человек хочет запрудить реку, то это уже масштаб, все остальное — мелкотемье. Да, я очень благодарен Петрушевской за то, что она ввела в пьесу проблему семейного бюджета, которая очень часто влия-

жены не отрекались всуе от корней, от имен, от отчеств, от фамилий, от всего, что было накоплено, выпестовано и сохранено целой человеческой цепью, название которой — родословная. Род — ослонная... Страшно подумать о результатах, вздумай какой-нибудь НИИ провести социологические иссле-

Окончание на 24-й стр.

Валерий ЛОКТЕВ

Фото Льва МЕЛИХОВА

Проезд Серова (бывший Лубянский), 3/б. Сюда, «к Маяковскому», приходил не единожды.

Плакаты, фото — резкий, не улыбочивый взгляд стриженного под машинку мужчины. Под стеклом рукописные копии стихов, писем; тонкие книжечки на желтоватой бумаге и тома с внушительным тиснением: «Владимир Маяковский». И шелепящий голос экскурсовода:

— Жизнеутверждающим оптимизмом наполнены строки великого пролетарского поэта...

Слушал, а в душе билось — «...косяе скулы океана», «...на флейте водосточных труб». Впрочем, музей был как музей — чем удивишь? ...«Был» — не оговорка. Нынешний государственный музей В. В. Маяковского, хоть и по тому же адресу, ручаюсь, удивит каждого. Это не просто иная экспозиция — кусок духа, быта людского, выхваченный из начала века, из двадцатых годов, вживлен в сердцевину сегодняшней Москвы. Уникально, дерзостно организовано музейное пространство. Нет привычных витрин, стендов, залов — вся площадь, кубатура завязаны в единое целостное решение, овеянную метафору. Жизнь, поэзия, душа раскручены по спирали: от

истока — грузинского села Багдади (даже камни, подернутые патиной времени, — оттуда!); от «Облака в штанах» и «Флейты-позвочника» через Революцию, «работу адову» — в высь, к космосу, к «Во весь голос» и последней, размашистой карандашной скорописи: «...Лиля — люби меня!.. Товарищ Правительство, моя семья...» По ступеням времени — на четвертый этаж в одиннадцатиметровую «комнатенку-лодочку», откуда он ушел навсегда в апреле тридцатого, «в звезды врезываясь».

И живописные панно, и вздыбленные сварные конструкции, и весь этот художественно блестяще организованный «хаос» металла, бетона, дерева работает на понимание главного: «Я поэт. Этим и интересен...» Не хроника быта, не внешняя житейская канва, а хронология души, глубинное развитие поэтического «я» — вот осевая «спираль». Нет, зряшное дело — братья за описание увиденного. Как передать ощущение достоверности (не предметной — духовной!) творческого бытия? Машина времени что ли сработала?

— Просто время, — говорит директор музея, заслуженный работник культуры РСФСР Светлана Ефимовна Стрежнева. — Маяковский — не «бронзы многопудье», а неукротимое движение, революционность во всем... И — нежное, ранимое, кровоточащее сердце. Это по сути — сегодняшний день.

Когда два года назад началась, на-

конец-то, реконструкция здания, решили не ограничиваться капремонтом, а переиначить сам принцип музейного экспонирования. «Как живой с живыми говоря...» Вот он — «золотой ключик».

...С тяжким, режущим скрипом приоткрывалась дверь в незнаемое, мучительно медленно набиралась скорость.

— Если бы не стройуправление КГБ СССР, — продолжает Светлана Ефимовна, — реконструкция длилась бы десятилетия, а так полтора года. По нашим меркам — срок небывалый. От Главного управления культуры Мосгорисполкома, от Управления по делам изобразительных искусств и музеев — только указующие бумаги. Ни гвоздя, ни единого кирпичика...

Ладно, не будем о гвоздях. Спасибо строителям Комитета госбезопасности, что так деловито, четко помогли музею, посчитав стройку эту объектом государственной важности. Но сейчас, когда экспозиция готова, когда Дом Маяковского (пишу с большой буквы, ибо это не хранилище застывшей памяти, а нечто одухотворенное сердечным теплом, творческой мыслью) готов распахнуть двери, «маяковеды» из исполкома кричат губы.

Что же смущает их? Ответ прост: новизна. Новизна мышления, художественного образа, взгляда на «великого пролетарского...». Их, видимо, пугает живой Маяковский. Затиснутый в мрамор, стенд, витрину, он

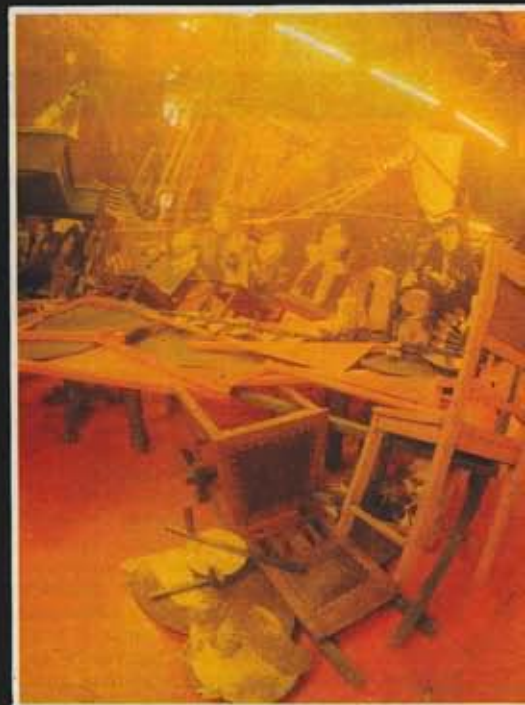

ЖИВ

надежно привычен. Здесь же, в изломанном, как судьба, пространстве, поэт видится во всем великолелии несоответствия музейному стандарту.

«...И я себя смирял, становясь на горло собственной песне». Новый музей — «собственная песня» Евгения АМПАСЮРА, Андрея БОКОВА, Игоря ИВАНОВА, Ивана ЛУБЕННИКОВА, Торгугла НАРИМАНБЕКОВА, Игоря ОБРОСОВА, Тараса ПОЛЯКОВА, Бориса ЧЕРНОВА... Архитекторов, художников, специалистов по музейному экспонированию. Так что же, снова «становясь на горло»?

Похоже, комиссии, проверяющие-принимающие, исходят в своих суждениях из бесхитростного «нравится — не нравится». Ну, никак не нравится им стилизованная тень на стенах и потолке, не по нутру уличная

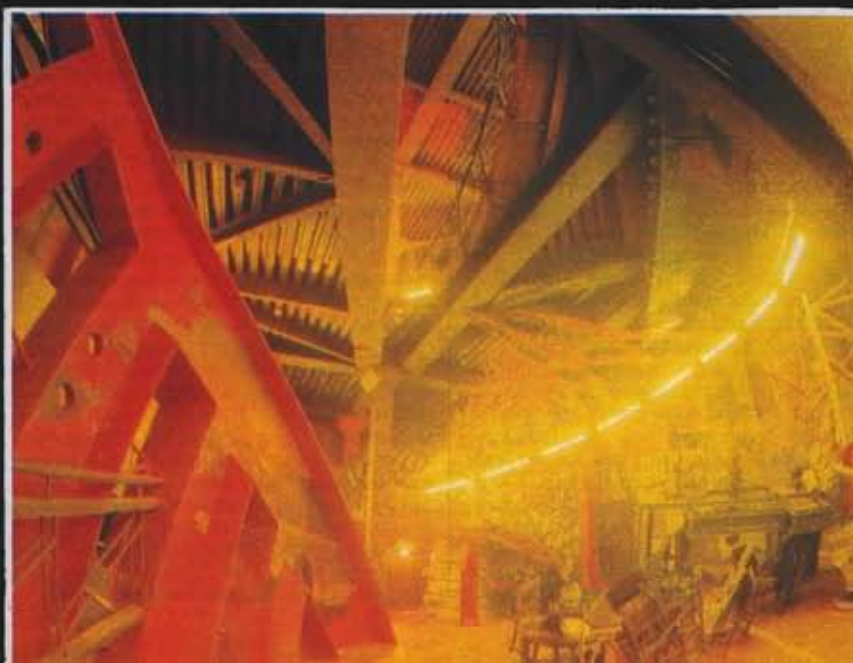
ОЙ - С ЖИВЫМИ...

витрина, что вводит посетителей в мир поэта, — лучше снести ее и высадить тут травку, цветочки... Почему не явственно прославление «отечества, которое есть и трижды которое будет»?

— Порой судят об искусстве на арифметическом уровне: или — или. Разве можно без полутонов? Ведь рассказываем о жизни поэта, а не бухгалтеря...

Понимаю горячность Светланы Ефимовны.

...Выхожу в солнечный день не из музейной тиши, а из реальности — в реальность. Под ногами брусчатка, перед глазами — скульптурный портрет поэта (работа лауреата Ленинской премии Юрия Орехова) и та самая, руганная витрина: ладони, вздернутые в единогласном одобрении; слоники в мутной, застыв-

шей реке мещанского быта; одряхлевший бульдог, охраняющий госбюрократию... И — летящие сквозь время жестяные листки нашего летоисчисления: 1917, 1924, 1937, 1956, 1985... Боль, горечь, надежда...

И слышится через десятилетия такое насущное сейчас: «...чтоб в лоб, а не пятясь, критика дрянь косила. И это лучшее из доказательств нашей чистоты и силы!»

Так-то вот. Живой — с живыми!

КРИВОЕ ЗЕРКАЛО

✉

...Автору в течение нескольких дней была предоставлена возможность посетить флагман Военно-Морского Флота крейсер «Киев» на Северном флоте. По результатам этого посещения он изложил свое видение проблем службы и быта военных моряков, коснулся целого комплекса проблем, от ремонта боевых кораблей и до организации быта и досуга личного состава. В этой связи у нас возникла потребность дополнительно рассмотреть острые проблемы, затронутые в статье, тем более редакция любезно приглашает профессиональных военных к серьезному разговору об армии и флоте, их роли и месте в обществе.

...Вызывает, мягко говоря, недоумение то, что вся система боевой и мобилизационной готовности, та деятельность, ради которой, собственно, и создана военная организация в мирное время, называется ни больше ни меньше «ратной суматохой». Как же это понимать? Для автора главные, жизненно важные вопросы деятельности коллектива, каждого военнослужащего всего лишь второстепенные сюжеты, лишь «восторженные описания». И так, с самого начала телега поставлена впереди лошади.

Хотелось бы спросить И. Кононова: кто же вас заставляет восторгаться через силу тем, во что не вникли, чего не знаете?

...Так что же все-таки интересует автора? Может быть, конкретные люди, комсомольцы и молодежь? Свежо предание, да верится с трудом. На всю статью три фамилии: земляка автора матроса А. Ковалева, командира корабля и члена военного совета — начальника Политического управления Северного флота. Ну как же без этого! Ведь общался с людьми в столь высоких сферах, такой высокой ответственности, как же тут не проявить смелости и не сорвать восхищение, восклицания близких. Вернемся все же к нашим «баранам» (по Кононову). Так где же люди? Люди есть, но они существуют сами по себе. Боевая техника тоже сама по себе. Человек, воин в деле, в боевой деятельности не получился. И все только потому, что Кононова не пустили в море. Но подкажем автору, что матрос, мичман, офицер в действии, в обеспечении боевой готовности, дисциплины и организованности — это и есть сама жизнь, независимо от того, где находится корабль. За более чем десятилетний срок своего существования авианосный крейсер «Киев» подготовил тысячи специалистов для себя и других кораблей флота. В 1985 году корабль первым из надводных кораблей ВМФ СССР в послевоенный период за большие заслуги в вооруженной защите социалистической Родины награжден орденом Красного Знамени. На сегодняшний день за 1310 ходовых дней кораблем пройдено более 230 тысяч морских миль, что равно 10 кругосветным путешествиям. За скупыми цифрами статистики стоит героизм и мужество моряков и летчиков морской авиации. Боевая готовность в море не шутка, не абстракция.

Правда, для автора это лишь громкие слова, «горячка боевых учений», «идеологическая накатка о народном добре, ибо матрос гробит технику». И все тут! Мы не ратуем за лозунгово-рекламный характер материалов не только по флоту — по любой области нашей полити-

ческой, экономической и социальной жизни. Нет. В данном случае речь идет об объективном освещении напряженной жизни и деятельности флота со всеми достоинствами и недостатками, противоречиями и зависимостями. Ведь это надо видеть, анализировать и не валить все в кучу.

Например, ставится вопрос о строительстве и развитии военно-морской базы, решении жилищных проблем, свободного времени офицеров и мичманов, качестве текущего и капитального ремонта кораблей и т. д. Трудно не согласиться с актуальностью повседневных задач флота. Однако, судя по материалам, получается, что никто и не рассматривает эти проблемы не собирается. Военные если и пытаются что-то решить, то делают все необдуманно. Денег ведь много, вот, мол, и бросаю их на ветер. Так описан «инцидент» со строительством причала для крейсера «Киев», который на самом деле существует лишь в разыгравшемся воображении корреспондента и тех, кто ему эту информацию подсунил.

Или взять жилищную проблему. Конечно, она существует. Где ее нет? Вооруженные Силы не исключение. Но даже здесь автор передергивает факты, пытаясь выдать желаемое за действительное. Мы не будем говорить за весь флот. Возьмем тот же крейсер «Киев», который находится в поле нашего внимания. В 1985 году было 120 бесквартирных. В настоящее время 24. Ждут жилье в очереди, как правило, не более года. ...Многое еще предстоит построить, реконструировать и улучшить, это понятно. Но, не вникнув в технологию финансирования и строительства, автор усиливает акценты на факте, на проблеме, а не анализирует процесс жизни.

...Самый острый вопрос — это вопрос о рабочем дне офицера. Это проблема проблем. Сразу успокоим автора: об основном завоевании трудящихся — восьмичасовом рабочем дне — знает каждый начальник и его подчиненный. Информированы на флоте и о двум выходных днях, о чем автор скромно умолчал. Дело достаточно серьезное. А у автора, по нашему мнению, легковесный подход, что, мол, кто-то, где-то в кабинете устанавливает свои законы. Стоит, мол, только поставить зарвавшихся командиров на место — и вопрос исчерпан, решен. Товарищ вновь попутал божий дар с яичницей. ...Служебное время офицера — это тот же непрерывный процесс отливки стали на производстве с двух- или трехсменным режимом работы. С той разницей, что вместо стали выплавляются бдительность и боеготовность и формируются главные морально-боевые качества людей. ...«Рабочий день» офицера и мичмана связан с основным завоеванием трудящихся не прямо, а косвенно, опосредуется боевой, морской и технической готовностью корабля, воспитанием и обучением личного состава. Уложить его в 8 часов регламентированно от «а» до «я» — мечта неисправимых фантазеров.

...Не зря говорят — не зная броду, не лезь в воду. Можно замочить не только ноги, но и подмочить свою профессиональную репутацию, что гораздо серьезней для авторитета уважаемого журнала. Примерно так получилось у корреспондента с анализом конкурсов в военно-морские училища. Спрашивается: где, в каком году, в какие училища эти конкурсы падали?! То же самое со «злополучным» французским эсмин-

цем. Если для автора боевая служба — это прогулка по Средиземному морю от нечего делать, то для экипажа это несколько другое, совсем противоположное. И взаимоотношения с представителями других флотов в этот период регламентируются отнюдь не личными желаниями командира и положениями о порядке деловых и дружественных визитов. Хотя по-человечески понять стремление автора и отдельных «командиров от инфантерии» устроить братание с вероятным противником во время взаимного противостояния можно. Чего там мелочиться, кутить так кутить.

...Один из самых злободневных и больших вопросов на флоте, затронутых автором, — это ремонт и обслуживание техники и вооружения. Вот что по этому поводу нам высказал начальник завода, где ныне ремонтируется «Киев», капитан 1 ранга Панибратец Е. П.: «Идея, освещенная в статье, по ремонту кораблей по американскому образцу не нова. Весь вопрос в реализации такого подхода. А это уже проблемы экономические и социальные, завязанные в тугую узел народного хозяйства страны... Что касается ремонта в течение 6—8 месяцев, можно сказать следующее. Сегодня для этого требуется длительная подготовка, в течение 2—3 лет. Иметь все необходимое при наших «сбоях» со снабжением — это проблематично...»

В дополнение к сказанному отметим, что с постановой корабля в ремонт боевая жизнь не прекращается... Личный состав не просто «бежит с красками по кораблю», как это дело понимают некоторые, а осваивает в ходе ремонта ту технику, с которой ему придется потом работать в море.

Больше всего возмущений среди личного состава вызвали оценки по поводу того, что на флоте не надо думать, якобы «этого просто не требуется, более того, не приветствуется». Даже земляк корреспондента Саша Ковалев, с которым у него состоялись откровенные беседы, выразил недоумение. Сам Саша, несмотря на «рутину обстановки», показанную в статье, собирается поступать в высшее военное учебное заведение. Вот и получается, что в материале концы с концами не сходятся. Не сходятся концы с концами и в рассуждениях о выполнении распорядка дня, об организации политической учебы, строевой подготовки и многого другого...

Флотская служба предполагает уставную организацию, единообразие уклада жизни и быта личного состава, дисциплину и организованность, наличие единоначалия. Без этого и многого другого нет армии, флота, нет организации, нет победы. Прописные истины! — скажет читатель. Да, прописные. Приходится апеллировать к этим прописным истинам, когда кто-то пытается подложить под них мину замедленного действия. Пытается поставить знак равенства между уставом, единоначалием и дубиной, между приказом и культом приказа, между решением и мнением командира, «доводящим до бездумности»... Однако этим автор не ограничивается. От «дубины» он переходит к обоснованию концепции неуставных взаимоотношений. Одно место из текста в связи с этим заслуживает особого внимания. Прочитайте полностью: «Субординация, доходящая до пресмыкательства (! — Авт.), культ приказа, доводящий до бездумности, — это вос-

питание по-армейски. И это «воспитание» я бы назвал так: унижение по уставу — «уставняк». (И далее самое интересное.) Протест против «уставняка», выраженный в активной форме, проецируется на отношения между матросами и называется «годковщиной»; пассивная же форма рождает тихий саботаж распоряжений командира, изнуряющие конфликты между старшими и младшими по званию».

Вот это перлы! В самом деле — Америка... в районе Кольского залива. Мы согласны с тем, что в обществе иногда появляются экстремистские тенденции поставить все с головы на ноги, но зачем пытаться все не на ноги, а на то место, которое находится чуть ниже спины? С какой целью?

...Наша точка зрения такова. Неуставные взаимоотношения по своим социально-психологическим механизмам адекватны аналогичным явлениям в школе, ПТУ... В воинских коллективах эти процессы имеют свою специфику, своеобразное преломление через «коэффициент» особых условий жизни и быта личного состава... Многие ученые, общественные деятели, командиры и политработники понимают, что искоренить неуставные взаимоотношения можно лишь на путях совместных усилий. Может быть, имеет смысл организовать, хотя бы на базе того же журнала «Смена», дискуссионный клуб и периодически публиковать его материалы. Возможен и другой подход, например, обмен публикациями между «Морским сборником», флотской газетой и журналом «Смена». Вариантов много. Давайте подумаем.

...В последнее время много энергии, споров отдается дискуссии о том, нужна ли нам профессиональная армия. Автор коснулся и этой темы. Для конкретного разговора нужна всеобъемлющая информация, серьезные научные разработки, обоснования, сравнения и изучение опыта других стран, эксперименты, а не пожелания интендантов. По нашему мнению, в рамках журнала «Смена» эту проблему сегодня, конечно, можно поднимать, но нужно это делать при соответствующей подготовке. Ломать не строить, говорить не значит знать.

В заключение мы хотели бы сказать о том, что актуальность поднятых и «освещенных» в статье вопросов не вызывает сомнения. Мы не претендуем на истину в последней инстанции. У нас, как и у каждого офицера, мичмана, матроса флота, болит душа за те или иные недостатки в стране и ее Вооруженных Силах... Но наибольший вред приносит словоблудие, когда на словах говорят одно, делают другое. Когда не видят положительного, хорошего, даже в откровенности личного состава усматривают подвох и обо всем судят через кривое зеркало скептицизма и недоверия...

**В. СЕЛЕЗНЕВ, капитан 1 ранга,
В. МАКАРОВ, подполковник**

ОТ РЕДАКЦИИ. Этот отклик на очерк И. Кононова «У матросов есть вопросы» («Смена» № 5, 1989 г.) мы публикуем в сокращенном, фрагментарном виде лишь из-за недостатка журнальной площади.

Мы не меняли ни стилистику письма, ни его полемический направленности. Все критические замечания в адрес автора и публикации (даже если они и заведомо спорные) сохранены.

Не хотелось бы ставить себя в исключительное положение, но мне было особенно интересно читать статью «У матросов есть вопросы», потому что речь в ней шла о крейсере «Киев», которым я командовал в конце 70-х — начале 80-х годов. Это был последний из пяти боевых кораблей, где я был командиром, после него — учеба в академии, командные должности на уровне эскадры, флота. Всего более 30 лет службы во флоте, и это, я думаю, дает мне право высказать свою точку зрения как на статью, так и на некоторые проблемы флота в целом.

Я не готов «подписываться под каждым словом» статьи, как это проскальзывает в некоторых письмах-откликах, но утверждаю, что, за исключением некоторых неточностей, все изложенное в ней — правда, как ни прискорбно в этом признаюсь. Я не считаю возможным и нужным оспаривать какое-либо из положений статьи, и единственное, что мне хотелось бы, — это дополнить материал фактами, о которых И. Кононов не мог знать, а также некоторыми личными соображениями как профессионала.

Главное требование, которое предъявляется к армии и флоту, — боеготовность. После объявления о сокращении наших Вооруженных Сил на 500 тысяч человек возникает естественный вопрос: «А не скажется ли это на боеготовности?» «Ничуть», — утверждают те, кто должен отвечать на такие вопросы, в основном высшие военные, — «мы компенсируем уменьшение численности улучшением качества боевой подготовки».

Ответ достаточно логичный, но возникает следующий вопрос: «А почему нужно было ждать сокращения, чтобы улучшить это качество?» Вопрос этот уже из разряда риторических, потому что толкового ответа на него никто не дает.

Боевая подготовка держится на двух китах: собственно боевой учебе личного состава и уровне материально-технического обеспечения. Я не буду говорить о Вооруженных Силах в целом, коснусь лишь хорошо знакомого мне флота, тем более, что глубоко убежден в глобальности этой проблемы.

Почти всю боевую подготовку флота можно смело характеризовать словом «липа» — это то, что в действительности существует и что передается от низовых звеньев до высшего командования, а от него — в правительство. Создание официального отчетного благополучия — вот основное занятие командира любого уровня. А для этого все средства хороши. Чтобы не быть голословным, приведу несколько примеров.

В систему боевой подготовки входят такие упражнения, как отражение ракетной атаки противника и ракетная атака крылатыми ракетами. В реальной боевой обстановке командир корабля в море не может точно знать, когда, с какого направления, какими силами и какая атака противника последует. Действительно, трудно ожидать, что противник сообщит обо всем этом по телефону. Командир лишь может предполагать наиболее вероятный сектор его появления, время (с разбросом в несколько часов) и т. д. А качество учебы как раз и достигается максимальным приближением к реальному бою. Но в действительности командир заранее

знает все: время пуска ракеты-мишени (до секунды), направление (до градуса), тип мишени и, конечно, параметры (высоту, скорость). Естественно, он не должен этого знать, но нет на флоте такого корабля, командир которого еще за две недели до стрельб не имел бы полной информации. Почему, откуда ему все известно? Дело в том, что результаты ракетной стрельбы далеко не безразличны и командиру соединения, и командующему флотом. От совокупности этих результатов за год во многом зависит их «спокойная» жизнь и карьера. Какому командиру нужно, чтобы на совещании у вышестоящего начальства его «мурыжили» за то, что ракета ушла не в ту сторону? Вот и происходит такая «случайная», вроде никому не известная «утечка информации». И в результате: «Попали?? Молодцы!!» А все, что нужно было сделать, — это заложить заранее известные параметры в ЭВМ, которая управляет всеми ракетными комплексами, и после этого вся стрельба — сплошная бутафория. Можно на мостике песни петь или командовать совершеннейшую чушь, вроде: «По Зимнему бронированым...» Все зависит только от состояния и исправности техники. Кстати, и технику эту к стрельбе готовят в основном не корабельный состав.

Бывают, правда, случаи, что упражнение не выполняется. Но это тоже не беда: есть карты, на картах (для отчета) рисуем «все, как надо» и получим свое «отлично».

Естественно, любой флотский офицер знает об этой халтуре, кое-кто даже «задает вопросы», но командование всегда оправдывается ссылками на технику безопасности. «А вдруг?»

На «Киеве» я как командир месяцами не мог выполнить какого-либо упражнения, связанного с полетами авиации. Кораблем команду я, а самолетами на корабле — другое ведомство. И командующему ВВС тоже спокойней спится, когда самолеты в ангарах, а не в небе. «Полеты не разрешаю!» — обычный приказ летчикам, и план боевой учебы летит к черту при ясном небе и штиле на море. «А вдруг?..» Но в свой вышестоящий штаб он шлет подробные отчеты о «совершенствовании боевого мастерства» — ту же «липу».

Показательно и отношение к боевой подготовке со стороны командования. Я не припомню случая, чтобы командир корабля имел крупные неприятности из-за провалов (их не бывает — для чего же отчетность?) в этой области. Но зато не дай бог «неустановив» на корабле или еще какой «грубый проступок»! Тут уж не помогут никакие отличные оценки за стрельбы.

Говоря об уровне и качестве боеготовности, нельзя не сказать о ее материально-техническом обеспечении, то есть о технике, снабжении, ремонте, тыле.

В США на один доллар, вложенный в боевой корабль, тратят 3 доллара на его обеспечение, то есть на судоремонт, тыловые службы, базирование, подготовку кадров. Я не знаю точных цифр наших затрат на аналогичные вещи, но по опыту сужу, что они крайне незначительны. Попробую доказать.

Боевой корабль должен проходить очередной ремонт через определенный срок после начала эксплуатации. Я не помню, чтобы установленные сроки ремонта выполнялись. Идет бесконечная их корректировка.

По плану ремонта «Киева» в смету

было включено около 300 позиций (замена агрегатов, узлов, их капитальный ремонт и пр.). Документация была представлена заместителю главкома — начальнику Главного технического управления. «Что? Почему такой большой срок?? А кто будет на боевую службу ходить?!» Немедленно план и смета были переделаны. Из 300 позиций выбросили самое существенное, наиболее трудоемкое и оставили около 120 позиций «мелочевки». Зато сроки сократились вдвое. Что и требовалось доказать. Но качество...

Я вообще не говорю о том, что только у нас существует такой идиотизм, при котором корабль в шторм должен выходить в открытое море, — нет базирования. Из-за его отсутствия «Киев» уже дважды был на грани ЧП. Одно из этих ЧП могло произойти из-за отказа турбогенератора, который выслужил все положенные сроки и должен был быть заменен во время ремонта. Но вместо этого его «отремонтировали», что и сказалось в самой экстремальной ситуации.

И если бы такое случилось только с «Киевом»! Из-за отсутствия настоящего судоремонта находятся в состоянии, далеком от идеала, боевые корабли, что и доказывает серия аварий на подводных лодках. А о скольких мы ничего не знаем!.

Резонный вопрос: почему дело обстоит таким образом? Предыдущий главком ВМФ Горшков сделал Северный флот одним из крупнейших по количеству кораблей в мире. Как ему это удалось при почти равном уровне бюджетных ассигнований? Смотря на что тратить деньги. Можно вложить один рубль в строительство нового корабля и три — в его обслуживание, тогда система будет нормально функционировать. Можно и наоборот, что и принято у нас. Но неужели командованию не видна вся пагубность такой политики? Конечно, видна, но ведь своя рубашка ближе к телу. Дело в том, что главком ВМФ отчитывается перед правительством за боевые единицы, то есть за новые корабли. Об обеспечении его никто не спрашивает, это как бы само собой разумеется. Что для него лучше и выгоднее: сказать, что построено 10 новых боевых единиц, или построить боевой корабль и реконструировать 3 судоремонтных завода и 5 причалов? За что будут ордена, звания, стабильность служебного положения? Понятно, за что.

Несколько слов о таком понятии, как тыловое обеспечение. В приложении к тому же «Киеву» оно имеет очень абстрактное значение. Вот простой пример: загрузка продуктов питания, боезапаса и топлива. Во всех флотах мира тыловое обеспечение построено по принципу: все к борту. Во всех, но не на Краснознаменном Северном. Каждое утро 30 человек из команды сходят на берег и загружают продукты со складов на баржу. Затем баржа подходит к кораблю, и продукты сгружаются на палубу — плавучую пристань, пришвартованную к борту. После этого человек 150 матросов начинают растаскивать все привезенное по кладовым. На это уходит почти целый день. Это — на рейде, а настоящая головная боль начинается в походе.

Наши корабли не имеют передовых баз, где можно спокойно восполнить запас продовольствия и топлива, поэтому этот процесс происходит в открытом море во время движения. Впрочем, это

обычная практика военных флотов других стран, но те укомплектованы специальными судами снабжения, рефрижераторами, танкерами. Именно специализированные, приспособленные для взаимодействия с военными кораблями. Такое судно «присасывается» к авианосцу трубопроводами, по которым идет горячее, вода; сухими путями — для продуктов питания, боеприпасов. Таких трубопроводов и сухих путей — 5—6, и вся операция полной заправки занимает от силы 2 часа, причем авианосец и танкер движутся параллельно со скоростью 14—16 узлов.

У нас специализированных судов нет вообще. Военные берут танкер, скажем, для доставки фруктов и овощей во время похода в Средиземном море. В иностранном порту танкер набирается за валюту этими продуктами и, пока он идет под жарким южным солнцем, половина этого добра превращается в отбросы. Естественно, ведь это не рефрижератор.

Кроме того, хотя на «Киеве» есть сухие и топливные дороги, у них нет аналога ни на одном танкере или судне снабжения, поэтому на заправку уйдет такое количество времени, что вряд ли противник в реальном бою позволит судам идти борт о борт так долго. Да и способности плавания это не слишком-то способствует.

Я намеренно остановился на самых болезненных с точки зрения боевой готовности проблемах, но это не значит, что в других областях все прекрасно. Можно многое сказать и о качестве подготовки офицеров, и о боевой учебе матросов, и о многом другом. Мне хочется надеяться, что пора шапкозакладательских настроений прошла и что самое время посмотреть правде в глаза, потому что ложь, сопровождающая жизнь армии и флота на каждом шагу, может слишком дорого стоить.

В. ПЫКОВ,
капитан 1 ранга

ОТ РЕДАКЦИИ. В дополнение к этим двум письмам мы посчитали необходимым привести еще одно, которое, на наш взгляд, может быть дополнительным штрихом к разговору об армии.

«Пишут вам моряки Краснознаменного крейсера «Киев» — того самого, о котором шла речь в статье «У матросов есть вопросы». Хочется поблагодарить автора и редакцию за эту статью. До этого мы читали лишь слащавые заметки, вызывавшие горькую иронию, а это — первая публикация, пролившая истинный свет на нашу действительность. Почти все в ней, за исключением незначительных неточностей, правильно. Жаль, что И. Кононов пробыл у нас так мало времени, а то он смог бы написать материал и покруче.

Хотим вас предупредить, если вы получите гневное письмо по поводу этой статьи якобы от экипажа корабля, не придавайте ему большого значения. Это письмо «липовое». Оно может быть только от нашего командования, которое очень на вас обиделось. Наши доблестные политработники развернули широкую пропаганду против вас, подстрекали на написание коллективного негодующего письма, но мы эту «инициативу» не поддержали. Так что знайте об этом.

Можем собрать сотни подписей под этим письмом, да не хочется рисковать — будут нехорошие для нас последствия». (Письмо подписано, подписи в редакции имеются.)

Евгений ЧЕРНОСВИТОВ

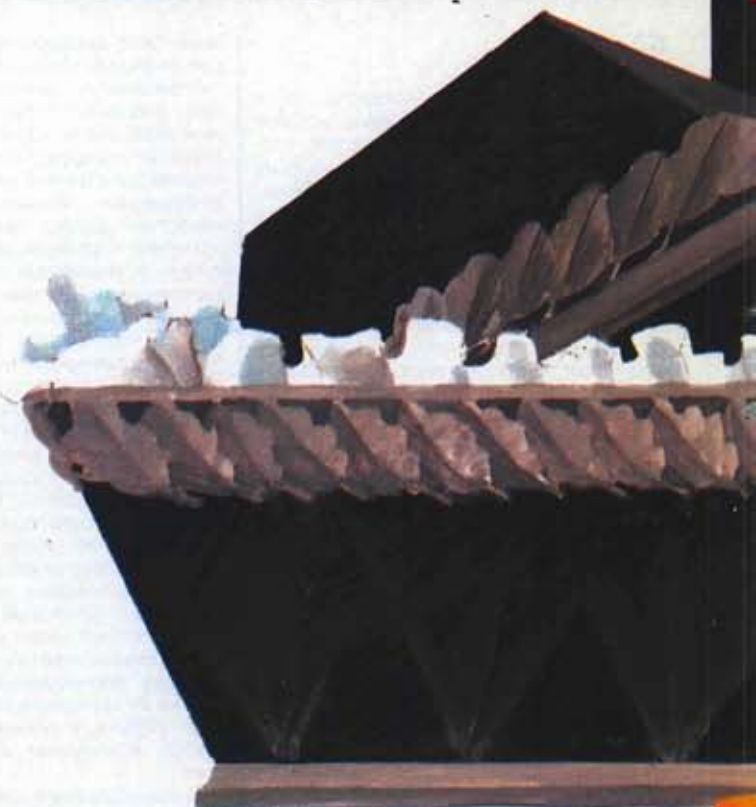
Рина Грушева умерла 12 марта 1988 года в районной больнице небольшого дальневосточного городка от острого лейкоза в возрасте 18 лет. Патологоанатомическое исследование подтвердило диагноз, выставленный лечащими врачами. Летальная комиссия, возглавляемая приглашенным из краевого центра профессором, признала действия медиков по спасению Рины правильными.

Рину похоронили 16 марта на кладбище, расположенном на самой большой сопке, откуда в ясный день хорошо виден весь город.

Грушевы приехали на Дальний Восток год назад, и в городе их почти не знали. И все же смерть Рины всколыхнула город, и поползли разные слухи о СПИДе, о наркотиках и, конечно, о несчастной любви.

К концу месяца в городе сложилась явно нездоровая атмосфера вокруг смерти Рины. Масло в огонь подлили местная печать и радио, выступившие одновременно по теме «Все ли у нас благополучно в здравоохранении?», где в качестве примера «явного неблагополучия» упоминалась смерть Рины Грушевой. Грушевы оказались в центре внимания. Только необыкновенное мужество и выдержка этих людей, молчаливо

Почти документальная история

Чертовщина

переживавших свое горе, сдерживали готовые к выплеску людские эмоции. На стенах домов появилось имя Рины на английском языке. Пятнадцатилетние девочки стали носить прическу «а-ля Рина» и красить волосы в ярко-рыжий цвет (как у Рины). Смерть Рины будоражила людей до начала июня гораздо больше, чем свежий номер «Огонька», отсутствие сахара, стирального порошка, мыла и пр., и пр., и пр. Но прошло лето, в городе стало жарко, и о Рине забыли.

10 июля к прокурору города пришел отец Рины, Альберт Владимирович (40 лет, слесарь-сантехник), и положил на стол заявление с просьбой произвести судебно-медицинскую экспертизу в связи со смертью дочери, ибо, как было написано в заявлении, «Рина умерла не от лейкоза, а была задушена». Оставив заявление без дополнительных разъяснений, Грушев ушел, сказав только, что «в случае отказа обратиться к прокурору края, а будет нужно, и республики».

Прокурор поостерегся принять решение самолично: позвонил секретарю горкома. Через час у последнего в кабинете собралась экстренная комиссия в составе секретаря горкома, прокурора, заместителя председателя горисполкома, начальника милиции и главного врача центральной районной больницы. Решение было принято единогласно: назначить судебно-медицинское исследование, пригласив эксперта из краевого бюро, а также профессора, возглавлявшего летальную комиссию. Эксперты решили осуществить 12 июля. Грушеву позвонил сам секретарь, долго разговаривал с ним по телефону, сообщил, что «просьба его будет удовлетворена», и взял с него слово, что «в интересах следствия Грушевы будут молчать».

12 июля сопка была оцеплена отрядом милиции, могилу разрыли, гроб вынули и перевезли в морг — небольшое здание, дверь которого закрывается на висячий замок. Вскрытие трупа было назначено на 13 июля. Все это происходило оперативно и тихо — город ничего не узнал. Был составлен акт исследования и заключение: «Смерть Рины Грушевой, 1970 года рождения, наступила в результате острого лейкоза». Никаких признаков удущения найдено не было. В 10 часов Рину вновь похоронили. Грушевых пригласили в прокуратуру и зачитали заключение эксперта. Мать тихо плакала, Альберт Владимирович выслушал молча. На вопрос прокурора, «удовлетворен ли он результатом экспертизы?», ответил «да» и пообещал,

что «больше следственные органы беспокоить не будет». На этом и разошлись.

20 июля, вечером, жительница города Кирина Мария Петровна понесла мусор во двор. Как она потом рассказывала, у нее закружилась голова, минут пять она постояла в подъезде, затем подошла к мусорному ящику, подняла крышку и... «О, господи, в ящике, на грудке мусора, лежала голая девушка... как большая кукла!.. Тело ее было сплошь в синих пятнах, а в руках зажата иконка...» Мария Петровна бросила ведро, закричала и рванулась бежать. На лестничной площадке ее остановил соседский парнишка, Виктор, 16 лет, учащийся СПТУ. С трудом разобрав, что напугало бабушку Марью, он высочил во двор. В мусорном ящике, как он потом рассказывал, никакой «голой девочки и куклы не было». Врач, вызванный соседями к Марии Петровне, кроме испуга, никаких расстройств у нее не обнаружил, но на всякий случай велел два дня лежать в постели и принимать успокаивающее.

На другой день Виктор рассказал друзьям, что у его соседки «крыша поехала — голую девочку в мусорном ящике видела». Проходивший мимо Василий Петрович, водитель автобуса, спросил: «И красивая была та девочка?» Виктор, не задумываясь, ответил: «Как Рина Грушева!»

22 июля Виктор пришел с работы (он проходил практику на цементном заводе) уставший и разбитый. Было около 18 часов. Плонул, не переодеваясь, на кушетку в прихожей и тут же уснул. Сколько спал — не знает. Проснулся от сильного хохота. Преодолевая свинцовую тяжесть в теле, открыл глаза — смеялись в большой комнате, дверь в которую была открыта настежь. По комнате гулял сквозняк, ветер трепал тюль на окне. Витя приподнялся: в проеме балконной двери, за колышущимся тюлем, стояла высокая стройная девушка. Расчесанные в беспорядке волосы были одного цвета с закатным солнцем. Она хохотала. «Ты — Рина Грушева?» — спросил Витя. «А ты алкоголик, сын алкоголика, — прохихотала в ответ девушка, — и неделю назад нюхал бензин в подвале». «Ты — Рина, я видел тебя на дискотеке, но ты... ты ведь мертвая!» Хохот прекратился. «Мертвая... мертвая...» — тихо повторяла девушка, пятясь к балкону. «Мертвая», — еще раз услышал Витя, прежде чем она исчезла.

Об этом видении Витя никому не рассказал. Пить

прекратил, стал задумчив. Изменилось его отношение к родителям: стал мягким, внимательным, заботливым и даже нежным. С тех пор спать днем никогда не ложится. Ночью спит со светом.

На следующий день после встречи с ребятами, от которых услышал о голой девочке в мусорном ящике, Василий Петрович вел свой автобус по маршруту «Аэропорт — центр — морской порт». Остановившись на «Стрелковой» и объявляя остановку, он вдруг неожиданно для себя произнес: «В ста метрах отсюда проживает Рина Грушева». Сказав это, испугался и оглянулся в салон — несколько пассажиров дремали на своих сиденьях, жара сморила. Автобус был почти пуст. «Чертовщина какая-то, — подумал Василий Петрович. — Слава богу, что никто не услышал. Ну, ладно, в голову всякая всячина лезет... Но за язык-то кто дернул?» Василий Петрович тяжело вздохнул: «В отпуск пора». Мысли его перенесли на озеро, где он увидел себя с удочкой в камышах, и о своей «оплошности» тут же навсегда забыл.

Оля Шушина, 16 лет, ничем не отличалась от своих сверстниц. Она перешла в 10-й класс и в июле проходила школьную практику на хлебокомбинате. Вставала на работу в 7 часов, с трудом поднималась с постели, как сомнамбула брела в ванную и только там просыпалась. Так и сегодня, 23 июля. Расчесывая свои густые черные волосы и позевывая перед зеркалом, она вдруг опешила: из зеркала на нее глядела красивая девушка с огненно-рыжими волосами. Оля стала судорожно протирать глаза — девушка из зеркала повторила ее движения. Она опустила руки — то же самое проделала одновременно с ней и девушка. Оля высунула язык. «Отражение» сделало то же самое. Язык у «отражения» был длинный, узкий, сухой, с прикусенным кончиком. Оля убрала язык, закрыла рот и улыбнулась. «Отражение» ее скопировало.

Сколько простояла Оля у зеркала, она не помнит. Очнувшись от наваждения, услышав нервный стук в дверь и голос мамы: «Поторопись, Оля, опаздываешь на работу!» «Прощай, подруга», — бросила Оля своему «отражению» и вышла из ванной.

Она никому не рассказывала о своем видении и была почти счастлива, ибо почувствовала в себе что-то новое, значительное, настоящее. День прошел, как обычно. К вечеру Оля была уже прежней Олей, уставшей и недовольной всем на свете. Подергалась

И. Пилишенко

Рисунок Игоря ПИЛИШЕНКО

в дискотеке, выкурила сигарету «для гадости» и к часу вернулась домой. Утром встала как всегда в 7 часов, побрела в ванную и нисколько не удивилась, когда опять увидела в зеркале свое «отражение». Так Оля стала жить в двух лицах: одно, наружное, знали все окружающие, другое, внутреннее, видела только она, да и то лишь по утрам, когда причёсывалась. А чувство нового в себе Оля оберегала, как маленький хрупкий росточек, набиравший с каждым днем силу. Мама тоже заметила в Оле некоторую перемену: походка стала более уверенной и женственной, жесты плавнее, голос глубже и мягче. «В женщину превращается подросток, — вздыхала она понимающе, — годы... Быстро летят годы, когда дети взрослеют!»

Однажды, возвращаясь домой из дискотеки, Оля услышала, как кто-то бежит за ней и кричит: «Рина! Подожди, Рина!» Она остановилась, оглянулась и увидела незнакомого мужчину. Тот тоже остановился как вкопанный, глядя на нее в упор. Затем, сняв и протерев очки, сказал: «Извините, ошибся!»

Эта встреча вызвала у Оли беспокойство. Она сразу вспомнила о Рине Грушевой, недавно умершей, кото-

рую никогда не видела. Вспомнила слухи, ходившие о ее смерти. Оле страшно захотелось увидеть, как выглядела Рина. Но как это сделать? К Грушевым идти неловко, да и под каким предлогом? «Кстати, — подумала Оля, — а где Рина похоронена?» Она прикусила губу: «Наверное, на сопке, где хоронят молодых и приезжих». И Оля решила пойти на кладбище.

На другой день, встав, как обычно, и пообщавшись со своим «отражением», Оля, вместо того чтобы идти на работу, пошла на сопку. День начинался жаркий. Зной еще только поднимался с земли, еще стелился теплым густым туманом. Громко звенели цикады. От травяного запаха кружилась голова, на душе было легко и чисто.

Могилу Рины Оля нашла быстро, еще издали увидела огромный портрет вместо памятника. Подошла и замерла — это было ее «отражение»! Лицо Рины на фотографии было строгое и очень сосредоточенное, не то что в зеркале в ванной. Платье — скромное, с большим накладным воротником и длинными рукавами. Косые лучи восходящего солнца упали на стекло, и в нем Оля увидела свое настоящее отражение. «Как мы непохожи», — подумала она печально. Затем сорвала несколько ромашек, растущих рядом с могилой, и положила к портрету Рины. Обратила внимание на то, что могила свежeverытая, даже глина еще не высохла. «Странно, — подумала Оля, — ведь Рину похоронили весной». Но больше ей ни о чем не хотелось думать. Так, без мыслей, просидела она у могилы минут 10—15, затем встала и медленно, не оглядываясь, пошла домой. «Ну и что, будем жить вместе, Рина», — сказала она шепотом, закрывая калитку кладбищенской ограды.

Город, в котором умерла Рина Грушева, не имел достопримечательностей, хотя ему было несколько сот лет. Туристы посещали его редко. Летом один раз в месяц они приплывали на большом теплоходе с верховья реки. Прямо на причале они, как правило, делились на две группы: одна оставалась в городе, другая пересаживалась на маленькие тихоходные катера и уносилась к Лесному Озеру, где недавно была построена турбаза.

Владимир Николаевич Прокудин, бывший дальневосточник, ныне проживающий в Москве, всегда путешествовал один. Он выбрал, конечно, Лесное Озеро. Едва устроившись поудобнее на корме катерка, Вла-

димир Николаевич увидел красивую девушку, сидевшую напротив, вытянув стройные ноги. Среди туристов, приехавших на теплоходе, Владимир Николаевич ее не видел. «Такую нельзя не заметить и в столичной толпе, — подумал он. — Какие удивительно огненные волосы, какая артистическая небрежность в причёске... Точеный высокий лоб, тонкий греческий носик с трепещущими ноздрями, огромные синие глаза...» Он загляделся на девушку. — Вот только губы жуткие, словно со следами застывшей крови, а сами обескровлены, мертвы... Как у вампира». Владимир Николаевич поежился. Была жара, все 30°, а девушка была одета в длинную зеленую юбку и такого же цвета блузку без рукавов, но с прямым, по самое горлышко, воротником. На тонкой изящной шее было массивное ожерелье из красных индийских камней. «Уж не Хозяйка ли это Медной горы?» — подумал с восхищением Владимир Николаевич. Девушка, заметив, что он рассматривает ее, посмотрела Владимиру Николаевичу прямо в глаза. Ему стало неловко за свою бесцеремонность, и он попытался что-то сказать, но девушка опередила: «Вместе, значит, к Лесному?» Затем, улынувшись одними глазами, добавила: «Там хорошо, там воздух чистый». Они разговорились, как могут говорить случайные попутчики, плывущие к Лесному Озеру. Владимиру Николаевичу было легко с девушкой; возникало ощущение, что, разговаривая с ней, разговариваешь сам с собой, так быстро и свободно проникала она в душу, в самые затаенные ее уголки. От этого ощущения было приятно. Но спокойно не было. Что-то мешало, присутствовал какой-то дискомфорт. Чувства раздваивались. Когда катер пришвартовался к причалу Лесного Озера, Владимир Николаевич понял, что мешало ему в общении с Ксенией, — от нее веяло холодом, не приятной прохладой, а именно холодом. Осознав это, он тут же нашел подходящее объяснение: «Девушка умна и нрава строгого», — хотя это никак не укладывалось в образ, рожденный от общения с ней.

Всадившись на берег Лесного Озера, они сразу же оторвались от группы. Владимир Николаевич повел Ксению на сопку с веселым названием «Дунькин пуп». У подножия сопки протекал довольно широкий и очень глубокий ручей с темной прозрачной водой, которая была вкусна и ароматна от настоя трав и сброшенной

прибрежными кустами черной смородины. Добравшись до ручья, Владимир Николаевич предложил Ксении разуться и окунуть в него ноги. Сам расстегнул рубашку и начал протираться, жмурясь то ли от удовольствия, то ли от лучей солнца, пробивающихся сквозь листву и хвою. Ксения села на огромный камень и начала болтать голыми ногами. Кругом стояла тишина. Наконец Владимир Николаевич промолвил: «Жаль, что у вас такая блузка и такое тяжелое ожерелье. Вода действительно восхитительна!» При этих словах лицо Ксении помрачнело и стало какое-то сухое. Она резко встала и сказала с нескрываемым раздражением: «Так мы идем на солку?» Владимир Николаевич растерялся от такого оборота. Затем, не застегивая рубашку, взял Ксению за руку и стал подниматься на солку. Ладонка ее была холодна, как лед. Поднимались медленно, раздвигая ветки кустарника, густо поросшего на склоне сопки. Не успели сделать и десяти шагов, как Ксения вскрикнула. Владимир Николаевич увидел, что ожерелье оборвалось, и Ксения, едва успев подхватить рассыпающиеся камни, крепко прижимала их к шее. Владимир Николаевич протянул к ней руки. Она резко повернулась и побежала вниз. Он растерялся и, ничего не понимая, закричал: «Ксения, куда вы? Куда же вы, подождите!» Но девушка уже скрылась в кустах. Стояв так несколько минут, Владимир Николаевич стал медленно спускаться к ручью. Там, где только что была Ксения, на ветке орешника, за которую зацепилось ожерелье, висел длинный кусок скотканного бинта, пропитанный давно засохшей кровью...

Владимир Николаевич больше никогда не видел Ксению.

Несколько ночей подряд жители окраины видели из окон яркое пламя костра на вершине сопки, где размещалась кладбище. Об этом, естественно, узнали в ГОВД, но, наученные горьким опытом собственного бессилия перед «непонятными явлениями крайнего людского беспокойства», решили действовать осторожно. Ночью капитан милиции, оперуполномоченный уголовного розыска Спиринов П. А., вооруженный японской кинокамерой с инфракрасным подсветом, прятаясь за могилами плиты и кресты, притаился недалеко от могилы Рины Грушевой. Да, костер пылал именно на ее могиле! Вокруг костра прямо на земле тихо сидели 14 человек, медленно раскачиваясь с вытянутыми в сторону пламени руками. Губы шевелились, но слов не было слышно. «Молитву, что ли, творят?» — подумал оперуполномоченный и покрутил зачем-то огромный ус. Он не сразу заметил, что руки у «кружковцев» (как он успел их окрестить) были окровавлены (подтеки крови были потом хорошо видны при просмотре этой кладбищенской кинохроники, добытой капитаном милиции Спириновым П. А.).

Оперуполномоченный сильно испугался, рука потянулась к кобуре пистолета, но тут он с досадой вспомнил, что брать оружие ему было запрещено. Мелькнула мысль: «Где жертва?» Рискнул и, оставив кинокамеру, подполз поближе к костру. Теперь, лежа за соседней надгробной плитой, он мог хорошо разглядеть лица «кружковцев». Несмотря на отблески пламени, они поражали своей мертвенной белизной. Он разобрал произносимые слова: «Рина! Возьми нашу кровь. Встань, Рина. Настал срок. Пусть будет так!» Покачиваясь в такт словам, «кружковцы» сжимали и разжимали кулаки, а из порезанных жил по вытянутым рукам вытекала к земле кровь.

Большинство «кружковцев» были подростками 15—16 лет, но среди них были юноша и девушка лет двадцати. Двоих Спиринов узнал сразу: Витку Матвеева, учащегося СПТУ, знакомого еще по детской комнате милиции, и Олю Шушину, свою соседку. «А она как здесь оказалась?» — искренне удивился капитан милиции. Он решил проследить до конца, чем все кончится, не вмешиваясь и не раскрывая себя. Кровь вытекало около получаса, затем движения тел и кулаков прекратились. Спиринову стало не по себе, когда, повернувшись лицом к портрету Рины, «кружковцы» жалобно завывали, как молодые волчата. Наконец, они замолчали. Дружно разбившись на пары и повернувшись лицом друг к другу, они вынули из карманов бинты и начали перевязывать израненные руки. По окончании процедуры все поднялись, затушили костер, выстроились в цепочку и не спеша ушли с кладбища. Странное это было зрелище! Темная цепочка медленно двигающихся людей с опущенными головами, едва волочивших ноги под ясной луной и яркими звездами, между залитыми лунным светом крестами и надгробными глыбами.

В горотделе милиции при просмотре заснятой Спириновым киноленты быстро идентифицировали 12 человек. Все они были местные: учащиеся школ, СПТУ, техникумов, двое рабочих. Только двоих, парня лет 22 и девушку, опознать не могли.

На следующую ночь в засаде находилась опергруппа из пяти человек. Костер обычно вспыхивал около часа. На сей раз и в 3 часа никто на могиле Рины Грушевой не появился. Поняли, что засада провалилась.

4 сентября в горисполком обратилась группа граждан, прописавшая зарегистрировать их как «дальневосточный комитет». Устав и программу этого комите-

та представил его лидер, Борис Яковлев. Несмотря на то, что Борис только начинал свой трудовой путь в качестве нарколога города, он был хорошо известен: семьянин, общественник. В частной беседе с работниками горисполкома он, между прочим, сказал: «Основная наша задача — перекрыть пути на Дальний Восток ринам грушевым». В этот же день в горком комсомола явились... «кружковцы», все 12 человек. Они заявили, что сформировали «альтернативный комсомол» и назвали его «Фронт Рины Грушевой». Устав и программу «Фронта» изложил лидер кружковцев, студент автодорожного техникума Юрий Новокрещенов. Инструктор горкома, принимая ребят, обратил внимание, что, несмотря на жару, все они были одеты в рубашки и блузки с длинными рукавами.

Бабка Марья чувствовала себя обделенной. Ведь после того, как она увидела голую девушку в мусорном ящике, внимания разных людей было ей предостаточно. Ее «интервью» по этому поводу было опубликовано в заводской многотиражке, приходил корреспондент из радио, записал ее рассказ на магнитофон, обещал сообщить, когда передача «выйдет в эфир», но куда-то исчез, а фамилию его она не запомнила. Да, еще совсем недавно бабушку Марью все уважали. Обидно, как быстро о ней забыли. Но куда обиднее, что народ потянулся в соседний двор к ее старой сопернице, «этой дурочке Катюшке». Вот чем завлекала людей Екатерина Александровна Машкова, пенсионерка, подруга-соперница и одногодка бабки Марьи.

25 июля Екатерина Александровна случайно оказалась на площади Ленина, где увидела «надвигающуюся, как черная туча, толпу». Она быстро сообразила, что к чему, и юркнула в подъезд горкома, пробежала мимо оторопевшего милиционера, поднялась на последний шестой этаж и стала наблюдать за происходившими на площади событиями. От Екатерины Александровны все, кто хотел, могли узнать следующее. Она «своими глазами видела, как впереди толпы бежала Рина Грушева... Волосы ее были, как пламя на голове, одета была в зеленое платье, расстегнутое на обнаженной груди... Рина махала рукой, увлекая за собой толпу, и кричала неземным голосом: «Волю даю, люди! Берите!»

Именно от этого видения у Екатерины Александровны потемнело в глазах, и она потеряла сознание. Очнувшись в больнице, но не согласна с врачами, что перенесла сотрясение мозга.

Слушают «дурочку Катюшку» и стар, и мал, и штатский, и служивый, и завидно, тяжко на душе у бабки Марьи. «Совсем испортился народ, — вздыхает она, — и далась им эта голая Ринка... Да и не в зеленом она была, а голая и синяками покрытая... Катюшка-дурочка сослужу не разглядела. Вот двадцать лет назад в городе тоже ужасные дела творились. Один злодей, решив за что-то отомстить Советской власти, принял душить детей больших начальников... Сынка секретаря горкома задушил, дочку председателя горисполкома, Танюшку, племянницу начальника милиции... Подкараулит, выследит и задушит... Душил, чем попало, — чулком, полотенцем, подушкой... На суде сказал — «из-за мести». Месяц город жил в ужасе, но верили, что не уйдет он от праведного народного суда. Судили на площади Ленина, прямо под открытым небом, и никаких беспорядков в городе не было. Другие времена, другие люди!»

Выступление профессора Шевелева на советско-американском симпозиуме психиатров, проходившем в Москве весной 1989 года, привлекло всеобщее внимание. Он говорил о психических эпидемиях — явлениях массового безумия, хорошо известных с древних времен. Он привел развернутую историческую справку о наиболее значительных и известных психических эпидемиях, захватывающих города, страны, даже целые континенты (Фивы — 10—8 вв. до н. э., древнегреческий Тиринф в начале второго тысячелетия до н. э., библейские Содом и Гоморра, ведовские процессы в средние века, охватившие Англию и европейские страны, «чумной бунт» 1771 года в Москве, «картофельный бунт» на Урале, шпиономания в 30-х годах и т. д...). Геннадий Иванович подчеркнул, что «причины психических эпидемий всегда объективны, но было бы ошибкой ограничивать их лишь социально-экономическими условиями... пора принять во внимание, что космос может вести с нами необъявленные метеорологические войны, вызывая, в частности, психические эпидемии».

Он раскрыл некоторые механизмы безумия и рассказал о путях воздействия на них и о клинике психической эпидемии: «...Зигмунд Фрейд, известный австрийский психотерапевт, раскрыл в нашей душе бессознательное и изучил способы воздействия на него. Он одним из первых серьезно заговорил о психопатологии обыденной жизни, проявляющейся в оговорках, описках, обмолвках. Это его заслуга. Но психические эпидемии — это тотальное проявление других «Я» в человеке — «призрака», «мертвеца», «зомби». При психических эпидемиях работают все три механизма чужого «Я»... Люди, собираясь в толпы, превращаются для себя и окружающих в этих оборотней-призраков, мертвецов, зомби... Да, призраки, мертвецы, зомби... Но мертвых больше...»

ВЗКНИЖИМИСТИХОВЫ

Эдуардас Межелайтис выпускает сборники стихов на родном языке почти ежегодно. И нет среди них похожих друг на друга. Вот и книга «Гномы» необычна. Речь в ней идет не о маленьких сказочных существах. Межелайтис попытался использовать древнегреческую форму, впрочем, с постоянным ее нарушением или разрушением. Это уж как угодно определить читателю. Написаны гномы без знаков препинания, порой слова расставлены как в зубчатой системе передач, где всякое колесико может оказываться то вверху, то внизу.

Сам Эдуардас говорит: «... в интимных, дневникового характера самонаблюдениях может быть обнаженной сердце поэта. Рисунок мгновений запечатлен метафорой светомрака. Двоякость такой живописной манеры, думается, очевидна. На холсте книги отдельными точками и точечками цветов разбросаны гномы (гномическая поэзия существовала и в античной трагедии, и в европейской литературе). Давайте называть это поэтическим пуантилизмом. Если отойти на шаг от такого холста, то, на мой взгляд, создастся общая картина метафорического полотна».

Эдуардас МЕЖЕЛАЙТИС

■ *я не аскет и не святой
я проводник в пустыне
ищу оазис голубой
где зреет мысль как дыня*

■ *махни рукой: не все есть злато
есть с царской ложки не вкусней
пусть лучше рубище в заплатках
чем позвоночник без костей*

■ *в былов уходит все сущее
а фильтр это день настоящий
и через него мы пропущены
со строчкой написанной в ящик*

■ *свобода слово это сами
как розу обольем слезами
взрастим цветок мечты извечной
он не обещан не завещан*

■ *слишком рано зацветает вереск
не погибнем ли по одному
словно пчелы от голодной смерти?
нет: погибнем в атомном дыму*

■ *я столько в жизни вынес честно
что может и снесу довесок?*

■ *разрешено вам словом жалить
мне ж накрепко зажали рот
здесь зависть мерзкой лапой*

■ *гармонию в полон берет
погиб за честь свою сражаясь
воскресну ли открою рот?*

■ *духовную спираль ее падение
сопровождавшееся войнами
и воплями
разматываю и как в сновидении
я вижу разрушение Персополя
как яблоко верчу рукою глобус
падению спирали во вращении
оставить его хочу я чтобы
дух не подвергся саморазрушению*

подобно римскому авгуру
по клину белых журавлей
летающих в облаках лазурных
предсказываю путь людем
вот жаворонок с песней бурной —
он топливо души моей! —
геометрической фигурой
висит над плоскостью полей

и знаки в небе видит око
и сдержанны слова мои
простыми слугами пророка
давно являются они

поэзия как бокс как драка —
арена кровью залита
есть мышцы побеждай без страха
но есть другая работа:
коль мускул сердца вступит
то проиграет враг любой

попал комар мне в глаз охота
из чепухи той сотворить
проблему словно Дон Кихоту
не лучше б было просто жить
не чувствуя вокруг событий
приходящих извините
всему смеяться от души
знать: все забавы хороши

стихи судьба тяжки тускнею
и как хребет не треснул у меня?
ночь длится ожиданьем приговора
но каждый день с огнем играю я

посреди небытия и бытия
балансируем в душе пока есть
только чаще всех ругая и виня
рубим губим все и все еще

после нас хоть дыры в небе
и никто не крикнет в король-те
и пока берется хапаем в живот
не ударил мерзко колоколом

я сам как шаман знаю самое
во мхах как ствол дуба лежу
и самость шаманская заново
бросает меня на межу
где мнимым искусством я

арканом из злаков цветов
где мой наслаждается разум
но сбросить я пути готов
соль дикой пчелы

глотком как шампанское лью
шаманю как Пан могиканин
и только вот так я живу
живу обретаю теряю
не хмурю в заботах свой лоб
в ладонях я мхи растираю
а после меня хоть потоп

к чертям бумагу ручку и блокноты
и сердце с чувствами что толку в
был заблокирован обиденной
теперь могу смеяться за троих
жизнь собственную в виде

поведать вам коль хохотать

не заржавела ты моя стальная
да вот преодолеть унынья
в рабочей комнате тоска живет
надомником щеголом а я сижу

вот жалуется мне — концерт
тогда как интенсивно стихи
по сердцу бьет крылом и стонет
и — Боже упаси! — не выключает
созрел он земляникою и ей пора
тоска меня преследует как дьявол
Фауста

в венах кровь жизнь зовет
звонким голосом словно дитя
ибо зтомный гриб смерть

издевательски глобус вертя
динозавром китом и драконом
ищет жертву и глобус трещит
полигонов отвратны жаргоны
притяженье земное страшит

чего гордишься Человек?
как черт я от тебя устал
на ринге был ты лучше всех
кто лучше? Скажем Червь Цветок
кладбищенский Чертополох
нужно хуже? видит Бог
что в будущем ты — их Кулак

какой прапра вложил пружину
и механизм своей рукой завел
я данник времени я с ним
живу душа работает как вол
два стрелки движутся по
скользят как тени солнечных лучей
мне по лицу их ножницы
нить перережут в беге дней

нет назойливее телефона
но сейчас он молчит незаконно
стиснув зубы своим как нарочно
о своем трубка думает молча
научился жить с ней безответной
в лире твердых зуров сигарета —
птичий клюв не чиркает ли

не услышу ль знакомое
«здравствуй!»?

да сила может одолеть железо
течение быстротекущих
но тот кто в человека бросил
опоры в мире никогда не обретет
ведь человек в несовершенном
единственный и несовершенный
и переделывает мир он как
и совершенствованию форм
запустишь камнем в душу

и мновенно
наткнешься сам на каменную

стену

когда наступит и пробьет
о нажитом не вспомню очевидно
лишь будет жаль что девушкой
земля умчится из моих померкших
лишь будет жаль когда скользнет
с глаз голубых как с бугорков
растает труппной свечой

себя; никто и не заметит
улыбки что лицо en face до ямы
осветит мне так стой у гроба

я ничего просить у неба
не стану стало все равно
звезда — дочь выпавшего снега
растаяла в руках давно

когда во мне кровь закипает
и мир глаза не видят из-за

мне наплевать он старый или
я — раб я распрямляюсь
и превращаюсь в зверя встретив
и все на свете я переборю
ведь до сих пор я в идеалы верю
и терниями красными горю

я опоздал на свой последний
и понял к сожалению одно:
в духовной паутине вел я поиск
порвать ее уже мне не дано
святая ложь она как

что мол к перрону подойдет
а ты среди рельс найдешь
подковку счастья

а толку что? — обыкновенный
лишь золотинка в нем блеснула
надеждою как выдумка твоя
да опоздал я на последний поезд
но слишком поздно это понял я

как прискучит в тесном
выхожу на тракт широкий

сравниваю с высотой Тибета
и призванье и страданье... честь
жизнь не выиграл и в сердце колет
на не проиграл в лимите дней
звездный ливень золотом иголок
увлажняет душу среди полей

а жизнь ни тяжела и ни легка
но и легка и тяжела наверно
ответа тут не даст наверняка
и график величин что переменны

но вдруг вмешался шут:
забыли вы что середина есть

борьба мне за быт надоела
как цифры лет прожитых мной
хотел бы избавить я тело
от груза порхать над землей
готов я как птица к парению
что делать с земным притяженьем?

мы словно две различных ноты
я До а ты звучишь как Соль
они отстранены в полете
как мы пока не сблизит боль
друг к другу рвущиеся лица
их нотный лист объединит
в нем разность и бошему

крепка связующая нить
и дарит нас как высшим даром
гармония репертуара

я все сказал уже и все отметил
теперь ответа ожидаю — ветер!

я битве с ложью даже рад
и как Давид на Голиафа
я поднял руку и назад
не отступлю грозит пусть

гигант чудовищно высок
неодолим и будто вечен
пробьет ли камешек висок
убогому бесчеловечью
Давид осилит Голиафа?
забудем мифы фолианта

жизнь как веревка тянется
а если кто и подтолкнуть

тому пенька тугая шею обвяжет
овцой заблеет горло перекосит

не раз на пальцы обожженные
не раз испытывали нас

пусть жизнь плетется слади
но что же будет если кто-то

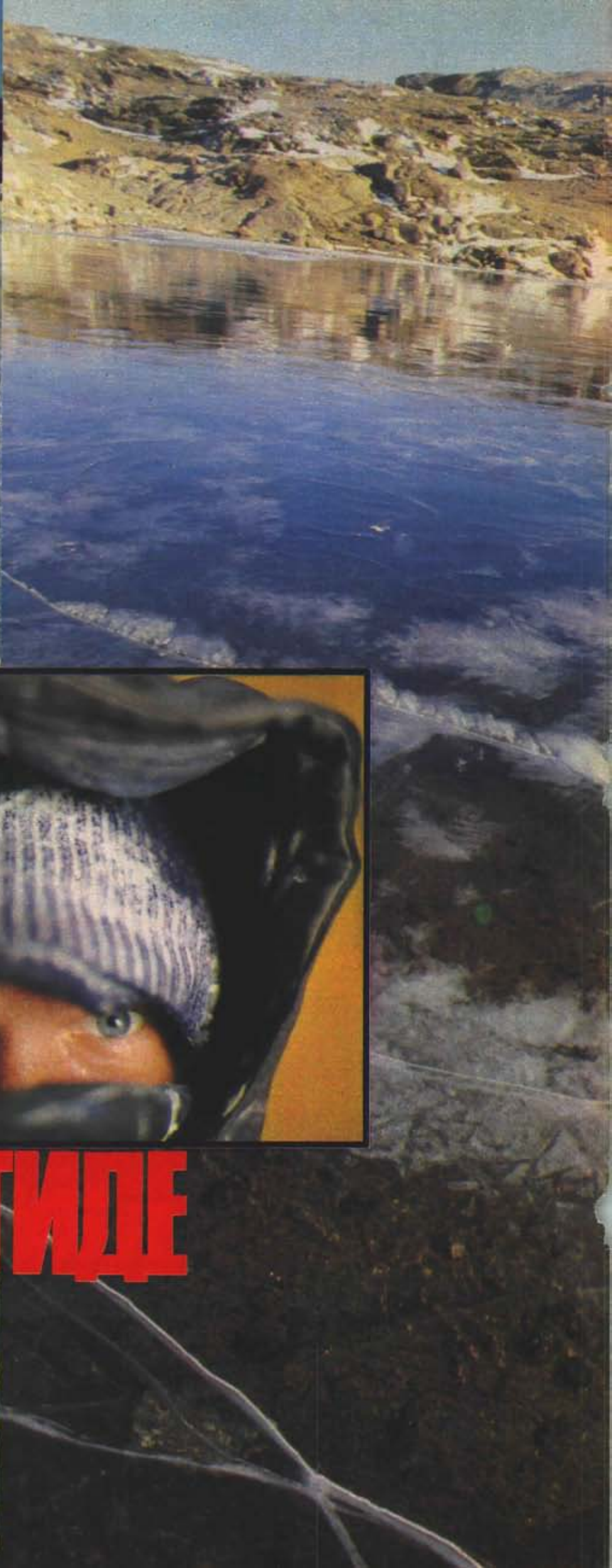
рискну иначе не могу и на беду
вперед дорогою самоубийц пойду

и все ж я дал когда-то жизни
на аварию; в клятве духа

пусть камень на сердце но душа
его гранить и шлифовать его

я над его огранкою тружусь
и иссушает сердце белый пламень
становится все тяжелее груз

поэтом не становятся — поэтом
рождаются; становятся потом
чтоб неприкаянно пройти по свету
но дело разумеется не в том

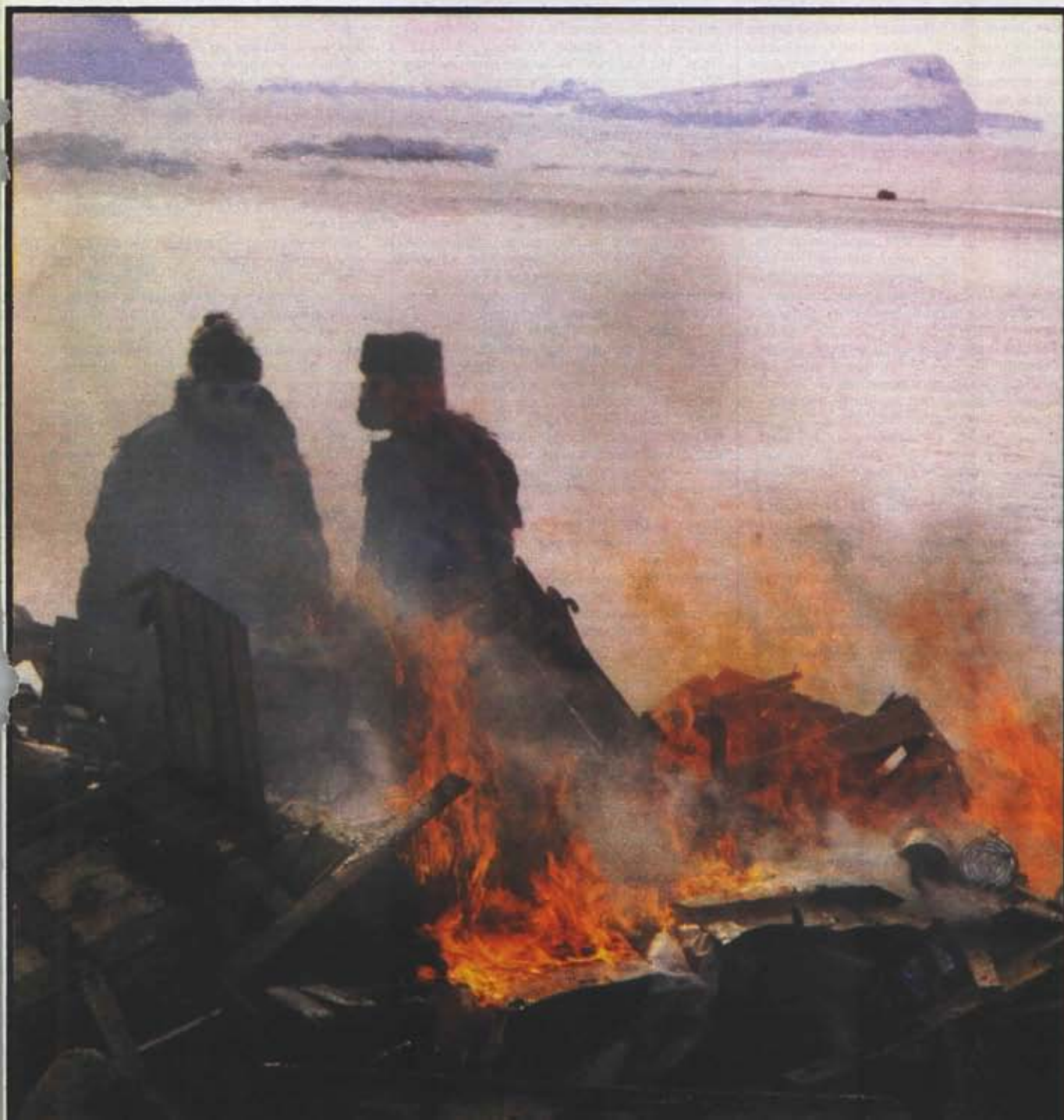
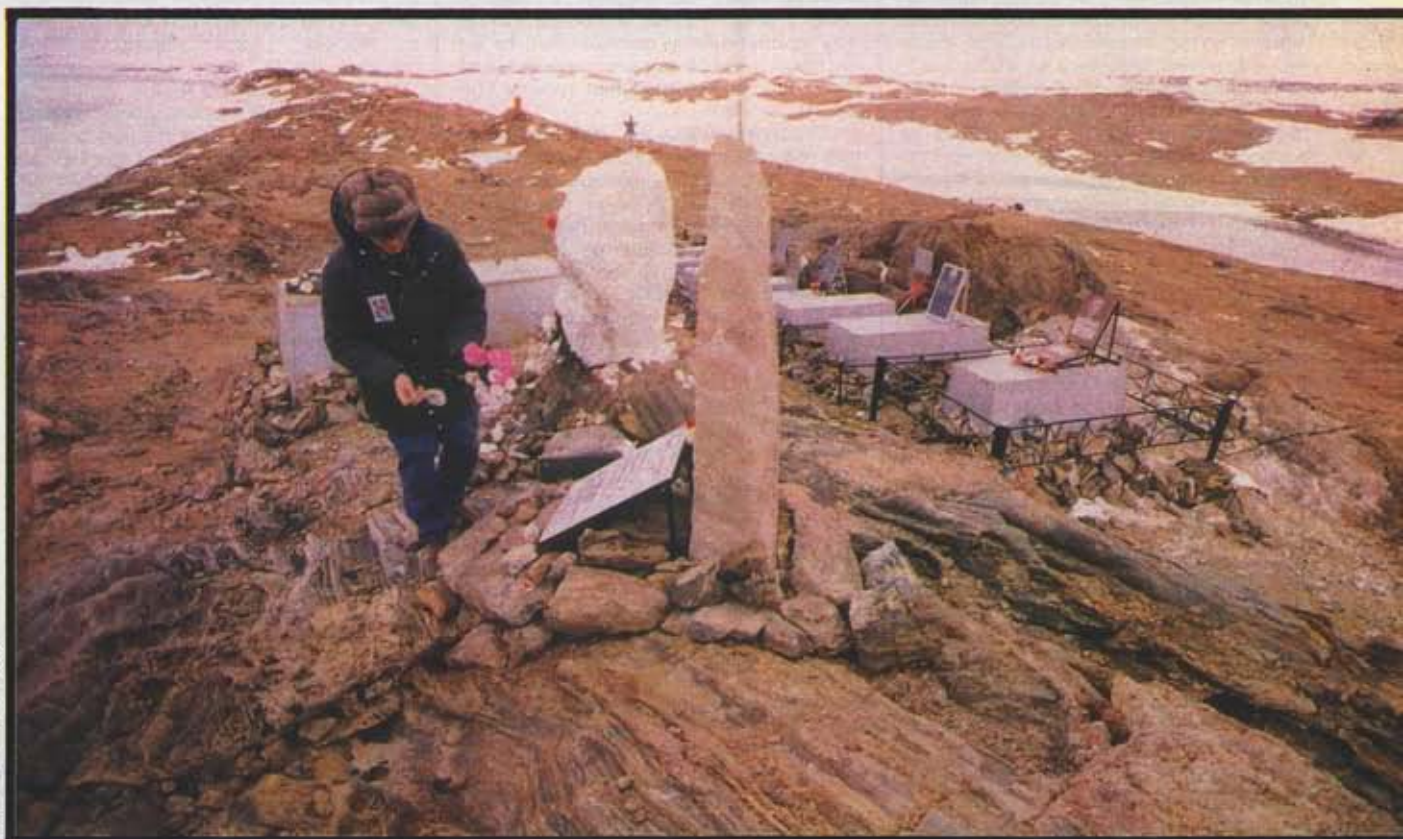
ПЫЛЬ В

Сергей
КАЛЕНИКИН,
фото
Евгения
СТЕЦКО,
специальные
корреспонденты
«Смена»

АНТАРКТИДЕ

Ч

его греха таить, давненько мы не слышали о наших антарктических успехах. И вот, пережив бумажно-бюрократическую кутерьму с оформлением выезда за рубеж, попав в конце концов на Южный материк, подумалось: а случаем, не поджидает нас чего? Мало ли. Вон англичане

со станции Халли-Бей озоновую «дыру» открыли. На планете — бум. Американцы, изучая «дыру», развернули небывалый по размаху эксперимент. Было все: супертехника, спецсамолеты, спутники Земли... Сказал бы так: парад науки. Почему бы и нам как-то на миру не отличиться? Чем, если не сегодня, то хотя бы завтра остепененный наш полярник удивит и нас, и мир?

— На кой сдалась нам эта Антарктида?.. — удивился один из моих знакомых. (Признаться, вопрос такой от сограждан слышал не раз.)

На примитивное «на кой» ответить можно так: незнание чревато миллиардными убытками, людской бедой. Давно известно: Антарктика управляет средой окружающей, и от нее во многом зависит стабильность климата, погода.

Или тот же озоновый сюрприз. И вот совсем не новость, не шутка остряка: через какие-то столетия грядет очередное оледенение Земли! Что там говорить, Антарктида хранит не одну загадку, тайнам эволюции Земли несть числа. Но знаем точно: в недрах Шестого континента есть все — и в большом достатке — для безбедной жизни человека и хватит на далекое потом. А безбрежные воды Антарктиды, что так щедро кормят нас? Даже мастодонты-айсберги и те имеют ныне цену, хороший спрос — на планете все меньше питьевой воды. Словом, о соблазнах Антарктиды можно толковать безмерно долго.

И если недоумевать, то вовсе о другом — о нашем запоздалом интересе. Лишь со второй половины пятидесятых, мы, как и американцы, начали осваивать ледовый континент. Однако обживаемся и, замечу, с присущим нам размахом. По количеству станций переп-

У могилы молодого полярника...

На Южном полушарии жгут мусор. Но и остается — в избытке.

люнули всех — у нас только зимовочных, то бишь круглогодичных, уже восемь (для сравнения: Аргентина имеет шесть станций, Великобритания — четыре, Австралия, Чили, США — по три, Япония — две, ФРГ, Франция, ГДР, Польша, Китай — по одной...), на которых зимуют сотни специалистов, под тысячу — в летний сезон, когда открываются и полевые базы... Сей размах, конечно, впечатляет и даже очень, но он, размах, как бы исподволь выводит на вопрос о самой сути нашего присутствия в далекой Антарктиде.

И этим не смутить бывалого полярника. О своих заботах, целях общих знает что и как сказать. (На время оставим местные, сиюминутные проблемы. Не ради ж их преодоления государство выделяет десятки миллионов рублей в год?) И так, ее величество Наука. Знакомимся и узнаем: хлопочут полярники о многом — следят за ледовой обстановкой, метеосводки для тутовой авиации и судов выдают, связь со станциями держат; для получения данных об атмосфере запускают спелракеты и шары. Картографы, летая на самолете, озера ищут, открывают хребты, лед толстенный измеряют; геофизики заняты ионосферой и радистам помогают четче связь держать... Магнитные поля, гравитация Шестого континента и даже падающие в лед метеориты имеют тот же научный интерес. Впрочем, все это для нас не некая шокирующая новость. О хлопотах в экстремальной Антарктиде в различных книжках и статьях писались не раз. Нам занимало совсем иное: с какой отдачей наш полярник трудится во льдах, во имя чего подчас рискует он здоровьем, а то и вовсе, как говаривали в петровские времена, — «животом»?

— Мы в основном ведем стандартные исследования, — заметил начальник зимовочного состава нынешней, 34-й, САЭ — Советской Антарктической Экспедиции Лев Булатов.

И что видится здесь? Здешняя природа хоть и чересчур сурова, но порядочно щедр. Казалось бы, развивай ветроэнергетику какой угодно мощности. И мы, как пионеры, чего-то предприняли. Уже не первый год в районе Новолазаревской крутятся ветряки — говорят, чуть ли не полигон. Но что сулит он Антарктиде, а возможно, и стране, уразуметь не так-то просто. Похоже, эксперимент — из вечных.

На станции Восток — та же зававка. Одна экспедиция за другой то с подъемом, то без особого вдохновения дырявят-бурят девственный лед, пройдено 2428 метров! Понять историю оледенения Земли, как меняется климат в Антарктиде, за сто тысяч лет — опять-таки цели святые. Однако, как понял я, и в этой области научная мысль особо не блещет, крупномасштабных выводов или прогнозов на завтра сегодня не жди...

Замдиректора Арктического и антарктического НИИ, начальник САЭ Евгений Короткевич в беседе со мной обронил фразу-приказ: «Идет накопление информации...» В каком тысячелетии и с какой плодотворностью разродится подчиненный Госкомгидромету ААНИИ — уточнений не последовало. Нет, речь не о том, чтобы раз-другой хлестнуть кнутом по хребту ведомственной науки. Мы толкуем, право, о другом. Рассуждая о науках, известный академик Андрей Трофимук как-то замечательно сказал: «Высокие цели требуют высоких энергий!», о чем и наш разговор. А вот обратная сторона формулы Андрея Трофимука, когда, напротив, энергии с избытком, а цели вряд ли отнесешь к высоким.

...Виктор Васильченко смотрит в небо. Его хозяйство, развернутое на Молодежной, именуется так: космический геодезический комплекс, на котором он начальник. Рассказывал долго — мол, многое могут дать науке. По силам определить скорость сползания ледников, прогнозировать всяческие катаклизмы, связанные с движением

материков: время и место извержения вулканов, землетрясений...

Коль можно, почему не предупредили, к примеру, о беде в Армении? Ответ смущенного: такие задачи перед нами не стоят. Быть может, в перспективе, а пока — дела поважней. По ночам за спутниками смотрят, что-то вычисляют... Какой прок от ночного бдения, товарищ Васильченко толком объяснить не смог...

С геологами тот же натянуто-странный разговор: где-то недоговаривали, что-то умалчивали, намеки, гоголиный взор. Да, изучают древние породы материка, шельфовую зону, примеряются к «сырьевому потенциалу». Но что за суэта, всплески рвения, а точнее — остервенелый штурм материка? Так в подмосковном Красногорске, где я живу, строятся убогие дома. Наука же творится иначе. И почему в геологии вкладываются миллионы, а в другие области — гроши? И при чем тут Мингео СССР? Что, фундаментальная наука о земле — компетенция министерства, только в его стенах и сыщешь знающих в геологии людей?

Возможно, и стереотип какой сработал, но все же в Антарктиде предполагался иной для рассказа сюжет. Говорю не о чем-то «из ряда вон» — об останках разбитого корабля «безголовых» пришельцев из космоса. Где следы большой науки, которая если есть, то, как правило, на виду, открыта? И размаха творческого не усмотрел. Да и откуда быть ему? Вспомним пояснение Льва Булатова. Чего же ждать? Коль полярник из года в год идет по кругу, в рамках устоявшихся задач, то быть ли живейшей мысли, задумке нестандартной, дерзким воплощениям, прорыву к передовому, сулящему весомый научный результат? Выходит, в бескрайней Антарктиде нет места для ищущего ума? Крайне удручило: из 180 живущих на Молодежной — ученых единицы, и уровень их невысок. Кому же двигать Науку? Впрочем, и двигать, похоже, нечего! Иль ошибаюсь?

— Нет, не ошибаетесь, — подтвердил директор Института географии, член-корреспондент АН СССР, председатель Межведомственной комиссии по изучению Антарктики (МКИА), а ныне народный депутат СССР Владимир Котляков, с которым встретился позже, в Москве. — Я вспоминаю пятидесятые годы, когда действительно решались грандиозные задачи во многих областях науки. Постепенно все сошло на нет. Увы; сегодня по фундаментальным исследованиям в Антарктиде мы, как страна, оказались в арьергарде, хвосте. Да, наблюдений там хватает... Но это — тот же пресловутый вал! Из года в год одно и то же. Рутинная работа, которая, быть может, и вовсе не нужна. А сколько средств вложили! Сотни миллионов рублей. Корабли, самолеты с грузом — продовольствие, оборудование, горючее везем на край Земли. И это что-то стоит!.. Работать надо профессионально, как американцы. Определять задачи — на контрактно-конкурсной основе. Достигнута цель — освобождай ресурсы для других задач. А мы? Топчемся на месте. Немудрено, у нас все решают министерства, ведомства — они и правят бал.

Главное из «правящих бал» ведомств — Госкомгидромет СССР. Я встретился с его зампредом, который по должности своей курирует Антарктиду, Артуром Чилингаровым. Он подтвердил: да, на Южном материке большая наука развита слабо, но те наблюдения, что ведут полярники, стране, и вообще, нужны...

Что ж, вернемся в Антарктиду. Служба ЭВМ — сердце Молодежной. Днем и ночью стучит с надрывом, пыхтит пятнадцать лет «Минск-32» — машина первого поколения — музейный экспонат, японцам на потеху. Ее сейчас меняют, но на... заводом морально и технически устаревший агрегат, машину третьего поколения! Такой вот прогресс. Я подчитал. Очередную «новинку»

сюда подбросят к февралю 2004 года. Вряд ли раньше. Сетует молодой зимовщик: столько информации пропадает коту под хвост — нет возможности ее хранить в памяти машины. А та, что со станций получают, — зачастую «сырая», полуфабрикат. Его и отправляют в Москву... для прогнозирования погоды.

А каково другим? У многих перед глазами, под боком и вовсе древности несутся: ламповая и прочая аппаратура сталинско-хрущевских времен. На ней не прочтешь «специально для Антарктиды». Обычная для средних широт. Вот и ломается, трещит, зашкаливает, барахлит. Ну, бог с ней, проблемы с запчастями, когда «одного везут много, а другого мало». Но о каком качестве научных прогнозов или точности полученных данных можно всерьез говорить? Апофеоз статистического вала! А чего стоит эта работа?

Игорь Шубин — летчик-ас — оценивает ее так: «Синоптики Молодежной очень часто ошибаются с прогнозом, имеют «проколы»...»

У меня к руководству Госкомгидромета и его ААНИИ по этой части всего лишь один вопрос: как, не имея современных, мирового уровня, и специальных для Антарктиды приборов, удается получать вождельный результат, который нужен «стране, и вообще»? Суперзагадка. В беседе со мной товарищ Чилингаров ее не прояснил, но он готовит суперход. Перейдя на рельсы хозрасчета, зампред намерен информацию продавать! Ничего себе предприимчивость!

Конечно, толковали о том и с полярниками. Признания звучали разные, но один ответ меня потряс: «Как выходим из положения... Приходится и воровать. Воруем прогнозы у Претории. А что делать?» Да, в эфире за руку не схватишь. Но каково? И мелькнуло: не дай бог, и Претория пошаливает тем же...

Судя по всему, Молодежная, Мирный, Восток, Ленинградская, Русская и прочие наши станции есть не что иное, как действующие склады барахла, чуть ли не отхожее место для железа. Смягчающее «чуть ли» все же уместно, ибо кое-что бывает и что-то есть. Японцы нам свою технику напрокат выдают. Озон недавно исследовали: шары наши, приборы США... Современная обновка — у аэрологов появился автоматический комплекс «Титан». Не бывает правил без исключений. Чего еще сказать?

...Подойдет ли судно, самолет обьявится — Молодежная оживает — по своему гудит, галдит: обсуждает новости, людей встречает. И для меня сюрприз — Игорь Фогель. Он — полярник-первогодка, но в курсе интересующих меня проблем — в недавнем прошлом госкомгидрометовский работник.

— Что там комментировать? — сокрушаясь, замечает Фогель. — Техническую политику комитет проводит плохо. В ней, думаю, он просто не заинтересован. К тому же в его стенах, на мой взгляд, нет компетентных руководителей в этой важнейшей области. Сталкивался с ними, знаю. А с другой стороны, заводы Минрадиопрома и Минприбора с очень большим скрипом берут наши разработки. Отсюда самоделки, кустарщина. Вы сами видели, что на Молодежной, кроме «Титана», ничего путевого не сыщешь. Скупается даже для аэродромной службы.

Говоря о персональных компьютерах и о другом, можно сказать: техническая политика ведомства из рук вон плохо. Однако, когда техника небезопасна для человека, то сие преступность вопиющая. И как понять, что в Антарктиде отсутствуют посадочные средства для самолетов?

...На Молодежной — кладбище: более двадцати могил. Случалось, и хоронить было некого — ни останков, ни тел. На станции Мирный — свое кладбище: могил в два раза больше. Сбившись с пути в пургу, тонут в океане тягачи, а с ними люди. Горят и падают самолеты. Причины разные, но одна из

них все та же — доминат ведомства, его политика,*на знамени которого начертано аршином: с глаз долой, из сердца вон. Лично я иначе не скажу.

Древний и опасный, с примитивным оборудованием ИЛ-14, летающий с войны, давно уже выработал свой ресурс. Серьезными людьми вроде бы принимались серьезные решения — раз и навсегда уничтожить эту машину, списать ее в тартарары. Списали. В стране ее не встретишь, но для Антарктиды, как в насмешку, — исключение! Ведомства все же настояли на своем: и вновь на ладан дышащей машине дан очередной трехлетний срок.

Обещанный же полярником новый АН-74 и по сей день не запущен в серию. И не эту машину ждет не дождется полярник: она, как и ИЛ-76ТД, — без лыж, на колесах... А это значит — укачивай днем и ночью до седьмого пота снег — взлетно-посадочную полосу. Картожный труд!

«А где тягач, вездеход, трактор, автокран, колесная машина, способные работать в Антарктиде?» Всех вопросов Владимира Гусева, начальника транспортного отдела, мне не передать.

В то же время на станции Георг фон Неймайер (ФРГ), где всего-то двенадцать человек, девять единиц различной универсальной и специальной техники. Не вездеход — картинка, а главное — в управлении прост, удобен и надежен. На тракторе и то спутниковая навигация! Не залпугаешь, не сгинешь в пути. У американцев порядок такой. После двух лет эксплуатации вездеход отправляется в Соединенные Штаты. Его не бросают под снегом, как на Молодежной, не ремонтируют... А о том, как мучаются с ремонтом механики-водители Владимира Гусева, лучше умолчать.

Ум, не потерявший остроты, смекает: пороки, присущие стране, проникли и в Антарктиду. Но будем, право, трезвы до конца. И школьнику понятно: Южный материк не Рио-де-Жанейро и даже не наш Красноярский край. Все лучшее в науке, передовой технологии должно идти сюда и без замочки. Лицо прогресса — здесь. Быть иного не должно. Ведь в космос мы не колымагу запускаем!

Чиновник тертый изодрится, отыщет «объективные причины», сошлется на какой-то пожелтевший от времени указ, вспомнит про инфляцию в стране, бюджетный дефицит и бог весть еще на что сошлется... Хотя, стоп! То, что с деньгами туговато, — прискорбная данность, факт. Будем тогда считать, задумаемся хотя бы над этим: там, где у американцев трудится всего один полярник, мы из-за своей технической убогости держим до пяти человек, если не более того. А наш зимовщик-горемыка, включая все расходы на него, стоит 120 тысяч рублей в год. Помножим всю эту арифметику на ценность и качество добываемой во льдах информации. Цифры конкретной не извлечь, но и так — без математических усилий — видно, что дешевле.

Как выбраться из глупейшего капкана — не моя печаль, но убежден: амбициозной попой — и мы ши не лаптем хлебаем — уж вряд ли кого удивит. Можно поступить проще, во сто крат умнее. Упомянутые западные немцы полярную технику для себя не делают, а покупают!..

В принципе могу согласиться, признать: да, нашему зимовщику нужна матпомощь в рублях и твердой валюте. Догадаться не трудно: полярники США финансируются куда щедрее — на текущий год им выделено почти 150 миллионов долларов, на 91-й у Конгресса запрошено 260 миллионов!. Правда, на балансе у них — небольшой, но все же город: Мак-Мёрдо. Кстати, он первый на Шестом континенте, с населением около трех тысяч человек. Гостиницы, кафе, дома, бары, улицы с дорожными знаками движения. Образ жизни, порядок и стиль работы — тот же, американский.

Вот и подумал: ну, допустим, получат стратеги ведомств из усыхающей нашей казны еще большие миллионы. Как распорядятся дополнительным рублем? Весьма сомнительно, что в полярной жизни случится перелом или, как нынче повсюду говорят, — перестройка. Коли ведомство-ротозей не в силах толком потратить миллион, то где гарантия, что оно не промотает два?

Попав сюда, соображаешь мигом: каждый погожий день на особых весах, а для авиаторов — исключительной важности время. Но парадокс: летчиков из Союза доставили, а про самолеты и винтокрылые машины позабыли... Три месяца томилась экипажи авиаторов в ожидании машин!

Дизель-электроход «Витус Беринг» — судно дорогое. 25 тысяч рублей за сутки эксплуатации вынь да положи. Но корабль, могущий взять на борт не менее пяти тысяч тонн груза (и было что взять с Молодежной — металлолом и прочий хлам), уходит в океан пустым, как сказал капитан Сергей Сахнов, «винтом наружу». Мы говорили о стране, о ее кровотоках пороках. И тут, выясняется, те же бессмысленные «стройки века». Ледовый причал уже притча во языцех. Сооружается шестой год... и одни лишь жалкие останки, следы «ледового побоища». Каждый раз его размывает, слизывает океан. Состояние с океаном продолжается. В жертву приготовлен очередной миллион.

Сложившийся стиль работы, полагаю, говорит только об одном: в Антарктиде нет хозяина. САЭ — безликая наложница разных министерств и ведомств. Кого тут только нет. Семнадцать союзных представительств. Откуда быть стройному порядку в мыслях и делах? Ведь каждый гнет свое, с нажимом, сам себе голова, и никто ему здесь не указ. Мингео так и вовсе — под флагом САЭ шустро соорудило собственную станцию Прогресс. (По существующему международному Договору об Антарктиде страна может быть представлена на ее территории только одной организацией.) Не удивлюсь, пожалуй, узнав, что и Минлеспрот СССР застолбит для себя кусок Антарктиды. Почему бы и нет? Поднатужатся и найдут свой лихой аргумент — могут вспомнить, что и здесь когда-то дремучие леса шумели...

«Ведомства разрушают, обесценивают Антарктиду», — превратили ее в Московскую область», — кто им помешает завтра на Южный континент завезти атомную бомбу?», — они бесконтрольны! — тезисы ученых, бурно заседавших на одном из собраний. Жаль, отсутствовал товарищ Чилингаров.

Насчет бомбы — не знаю, а вот атомную станцию — вслед за американцами — чья-то чересчур отчаянная голова велела поставить. Было дело в начале шестидесятых. Уже корпус соорудили, вырыли для реактора котлован, частично оборудование поступило... Но не было бы счастья, да несчастье помогло. Случилась беда — авария на действующей атомной в Мак-Мёрдо. Тут-то все разом прозрели: от греха подальше. Более с этим на Шестом континенте не шутят. Атомная энергетика под строжайшим запретом, как и ядерные взрывы и прочие военные штучки. Но матерый стратег ведомства неудержим — знай, творит свое. Захотелось некоему заказчику на Молодежной для своих очень даже сомнительных целей соорудить дизельную электростанцию и, используя труд полярников, соорудает ее впритык к океану. Ему, ведомству, и дела нет, что энергии тут с избытком...

Дотошный читатель не стерпит, спросит: неужто ни одна должностная душа не возмущалась гласно, не сказала «нет»? Нашлась такая душа, читатель. Юрий Хабаров, начальник зимовочного состава 33-й САЭ, сопротивлялся как мог. Возражал открыто, затягивал строительство... Но ведь, как мы знаем, из Москвы и Ленинграда куда виднее,

чему быть и что как делать на местах. Невидимый указ строгаише повелевал: работай, и шустрее. Строптивый Хабаров подчинился. Хозяин положения не он...

Нам все тут в диковинку, глазу непривычно. Даже пыль обыкновенная, что клубится из-под гусениц снующих по дороге машин. Нелепость какая-то: пыль в Антарктиде!.. Айсберги, воздух неземной чистоты, Южный Крест, пингины...

Или кают-компания. В столовой — диво. Монументом — глыба сливочного масла. Гарниры, мясо любого исполнения — все без ограничений. Столовый коммунизм! Подсчитал, и на одну полярную среднестатистическую душу в месяц вышло: 9 килограммов мяса, 2,5 — сливочного масла, 4 — чистого сахара, 2 — варенья, повидла...

Анатолий Дудоров, начальник Бюро погоды:

— Нас вроде бы должны кормить на 110 рублей в месяц, а что едим? Бесконечное мясо, каши. Три-четыре блюда. Многие замучила изжога. В 30-ю САЭ так вообще продуктов не завезли на 700—800 тысяч рублей! На арктических станциях гораздо лучше снабжают, хотя сумма на питание меньше. Гласность отсутствует: неизвестно, сколько съедаем и чего это стоит.

Валерий Тихонов, начальник смены радиобюро:

— Продукты получаем старые. Деликатесов особо не видел. Лимоны были, а вообще с цитрусовыми, яблоками плоховато. За всю зиму съел апельсинных пять. Овощи, в том числе свежая капуста, — редкость; картофель гнилой, рыба — дефицит, а мясо, поверьте, надоело.

Заглянуть бы в ведомственные отчеты... Напрасный, право, труд. Можно смело предполагать: в бухгалтерии — ажур. Советский полярник живет припеваючи, у него сбалансированное, научно обоснованное питание, а в душе по этому случаю — икебана благоуханная. Расчет точен: полярник будет молчать. И он молчит даже тогда, когда слово крепкое просится: вместо обещанных яблок везут железо — болты и гайки, которых и без того навалом, вместо копченой колбасы — опилки в бочках, в ящиках — не шпроты в масле, а камни, завернутые в бумагу! Для веса, стало быть. А то, что все-таки каким-то чудом доходит сюда, то зачастую идет не на стол полярнику, а либо в огонь, либо на свалку... Признаться, тут я не разобрался до конца: то ли продукты из Союза отправляются заводом порченые, то ли с ними что-то в пути происходит, а, возможно, и при хранении портятся. Но что до этого зимовщику?! «Знаете, подобная чехарда с продуктами случалась и раньше, — возмущается начальник станции Прогресс Анатолий Семенов, — но, помилуйте, не в таких же масштабах!»

Некий умник безапелляционно заявил: «Полярник знает, на что идет!» А с какой стати он должен на ЭТО идти? Иль полярник для кого-то — всего лишь некий биологический материал, которым можно безгрешно манипулировать, испытывать его на прочность, терпимость и лояльность? (Не потому ли на Молодежной — с тюремно-армейским оттенком должность замполита?)

Какой-то чин когда-то явно хватил лишку, устроив на советских станциях некое мужское братство внухов, обреченных на затворническо-обительскую жизнь. А на австралийских, японских и других иноземных станциях женщины трудятся не первый год. У американцев дамы — и в качестве пилотов. Студентки, приезжая из Штатов на каникулы, в Мак-Мёрдо подрабатывают в гостиницах, кафе... Чилийцы зимуют семьями, с детьми, которые посещают школы...

Отчего Антарктида закрыта для советских женщин — о том голову особо ломать не стоит. «Кабы чего не вышло...» Вот аргумент, что на уме Госкомгидромета и ААНИИ. Правда, зампред

Госкомгидромета Артур Чилингаров утверждает, что со временем они положат эту традицию, а начальник САЭ Евгений Короткевич неумолим: «У нас еще хватает мужчин!» Вот-вот. Так ведь проще, никаки тебе хлопот особых, ЧП. Разве втолкуешь ведомственному радетелю непорочных нравов, что бесконечный ряд запретительств и ограничений лишь омрачает и без того унылую жизнь полярников, да и, кстати, как говорят ученые, вызывает обратный эффект. В той же физиологии человека. Двенадцать — шестнадцать ледовых месяцев в окружении мужчин — еще то испытание! Нет-нет да скажется разлука с родными, детьми, женой и душа сама к телефону тянется. Но и тут — ведомственная абракадабра: общение с родными — один раз в месяц...

Алкогольная норма на советских станциях — тот же образчик ведомственной опеки. Закон таков: 125 граммов спиртного на одного человека в месяц. Что там кивать на западные порядки! У бывалых память вызывает 60—70-е годы, когда графин спирта — на каждом столе, и никто к нему без особой нужды не прикасался. Да, конечно же, дело не в самой водке. Тут колени кор иной: людям не верят, им не доверяют! Нравственность и мораль полярников на весах чиновника определена с аптекарской дотошностью — 125 граммов. Алкогольно-ведомственная абракадабра привела к неминемому. Сахар на Молодежной в дефиците — над безмолвным континентом витает сивушный дух... Люди поступили по своему: на вызов ответили тем же.

Случайный, с тайными помыслами, то есть с каким-то социальным изъясном, человек может всплыть везде. Но все же, судя по всевозможным проверкам, анкетному творчеству — неумолимой бдительности кадровиков ААНИИ — деклассированному элементу в Антарктиду уж никак не прорваться. (Континент — особый, не знающий границ(?)). Впрочем, не совсем так: даже из числа благонадежных есть и такие, которым Антарктида противопоказана.

— Проблему адаптации человека в экстремальных условиях надо решать на более высоком уровне, — говорят ученые НИИ экспериментальной медицины АМН СССР Геннадий Сидоренко и Владимир Кутуев. — Мы уже сейчас видим: какая-то часть полярников (процентов десять) остается на зимовку с определенным риском для своего здоровья. Шутить с этим не стоило бы. А психиатр на станции не предусмотрен.

Ученые, развернув на Молодежной свою замысловатую лабораторию, стремятся как-то помочь людям. Фиксируя у них расстройство, прогнозируют самочувствие, дают полярникам конкретные рекомендации по нагрузкам и даже учат их управлять мозгом.

«Полярник знает, на что идет...»

Да, знает. У многих за плечами три — пять, а то семь-восемь зимовок: годы в матерых льдах. Полярная жизнь не в диковинку. Бывалый в курсе, что его поджидают все те же ветхие сборные домики с удобствами захудалой общаги; самим придется обустроить свой нехитрый быт — колотить из досок столы, полки, шкафы и даже кровати. Знает, что на Большой земле с его деньгами бухгалтерия ААНИИ устраивает некие операции-манипуляции. Знает, что на Молодежной случается воровство — исчезают хорошие книги, картины московских художников, японские сувениры и прочие подарки. Знает, что труд строителя и водителя — на ветру, один из сложных, но у них самые мизерные полярные — 15 рублей в сутки; что придется зимовать в неудобных, тяжелых и сшитых из гниль костюмах. Знает, что после полярной вахты и не отдохнешь толком с семьей, купить нечего... И тем не менее едет. Николай Давыдов (ему 29 лет, вторая зимовка, жена и двое детей), инженер со службы ЭВМ, мне прямо сказал: «Мы не зарабатыва-

ем деньги, а высыживаем их — отбываем свой срок...»

Антарктида — еще один адрес шабашки?

Не все, разумеется, ради этих 10—15 тысяч рублей отрываются от дома, идут во льды. Кого-то опьянила Антарктида — такой народ еще, слава богу, живет, кого-то увлекает работа, сложившийся коллектив... Все так. Однако и те, и другие одним воздухом дышат, по одним законам живут: хочешь не хочешь, а к ним подстраиваешься, где-то и ломать себя приходится. «Живем по принципу: ничего не вижу, ничего не слышу...» Или вот откровенность: «Попробуй, скажи что всерьез. Родиной пугают, высылкой в Союз!»

Есть только одна сторона, заинтересованная в нынешних порядках, — Госкомгидромет СССР, его ленинградский ААНИИ и прочие ведомства, для которых Шестой континент — весьма приличная кормушка.

Вот и новому правительству вопрос: коль в Антарктиде Большая наука не прижилась, ведомственная же явно не в состоянии решить глобальных задач; обеспечить специальной техникой, аппаратурой, машинами страна не в силах, то к чему все эти потуги? Зачем смешить одних и заставлять страдать других? Бессильны, недееспособны? Значит, давно пора покинуть Антарктиду! Ежели завыка в ином — в ведомственных интригах, издержках, то тогда и разговор иной.

Что любопытно, как мне сказал Артур Чилингаров, за 17 лет он недавно впервые побывал в Антарктиде! Зампред выразил готовность повлиять на решение многих проблем. Уж очень запоздалое пробуждение. Так, к примеру, Артур Чилингаров считает, что количество зимовочных станций надо сокращать... Евгений Короткевич подтвердил: Госкомгидромет предлагает закрыть одну или две станции. По мнению начальника САЭ, это чуть ли не национальная катастрофа, падет-де наш престиж — «огромный ущерб государству», — уменьшится наше влияние на Южном материке... и так далее. Вот что, оказывается, беспокоит товарища Короткевича. Собственно, чего еще можно было ждать от начальника САЭ, который без претензий на юмор отчеканил: «В Антарктиде лучше всех живут советские полярники...» Уж не запаматовал ли он, что корреспонденты «Смены» чуть ли не три недели жили на Молодежной и даже им пришлось вкусить эту «лучшую» жизнь?

Стрелка общественного обустройства советских станций на Шестом континенте с лихвой зашкаливает в сторону проблем, прорех и ошибок. САЭ прозябает, влачит которое десятилетие жалкое существование, чему не видно конца. Выход только один: Советская Антарктическая Экспедиция должна выйти из-под опеки ААНИИ и Госкомгидромета СССР. САЭ должна стать самостоятельной организацией, которая, если и ощущала бы влияние, то только с одной стороны — Академии наук СССР, но не подчиняясь и ей. Есть мировой опыт. Экспедиции всех стран так или иначе подчиняются не сомнительным ведомствам, но частным компаниям, а правительству, имеют централизованное финансирование. То бишь хозяйственные и научные дела — в одних руках. Тогда и отдача иная. У нас же — наоборот. Те же деньги: у ведомств — десятки миллионов, а наука имеет гроши — чуть больше миллиона рублей в год!

Увы, и межведомственная комиссия по изучению Антарктиды при Президиуме АН СССР самоустранилась от дел насущных, до сих пор не выполняет своих обязательств. Как ни крути, а САЭ должна иметь выход на Совмин или Верховный Совет СССР. Иначе не вернуть молодым романтику полярной вахты, не навести порядка на станциях, и мы по-прежнему будем созерцать и вдыхать ведомственную пыль, которая с усердием выдается за работу.

«Родила царица в ночь
Не то сына, не то дочь,
Не мышонка, не лягушку,
А неведому зверушку».
А. С. ПУШКИН

**1. У колыбели
«неведомой зверушки»**

...Когда он родился, никто не принял его всерьез... Даже родители, весьма почтенные личности, до сих пор не слишком высокого мнения о своем отпрыске. Им-то пришлось повоевать за место под солнцем! Отец начал свою карьеру с увеселения публики на ярмарках, и прошло много лет, пока он выбился в люди, — то есть заслужил признание в качестве вида искусства. Зовут уважаемого папашу **Кинематограф**, и теперь его имя не подвергается осмеянию...

Что касается матери, то она и сейчас притча во языцех. Происхождение у нее в высшей степени аристократическое: все музыкальные искусства — ее родственники. Но мать нашего героя вела подчеркнуто демократический образ жизни, а порой — даже развязный, вот благородное семейство и отказывается от нее. Зато миллион молодых и уже не очень молодых людей десятилетиями преданы этой даме, с возрастом все чаще склоняющейся к более традиционным формам существования. Вы уже догадались — это **Рок-культура**, очень экстравагантная леди.

Знакомство этих двух детей XX века состоялось уже давно. Рок-звезды играли в кино и на сцене (что очень важно), посади музыку к фильмам и даже становились режиссерами. Когда же отношения приобрели серьезный характер, на свет появился **Видео-клип** — не без помощи повивальной бабки, **Технологической революции**. А крестной матерью ему стала одна солидная дама — **Реклама**, отличающаяся практичностью, напористостью и чувством юмора...

Итак, зададимся уже не слишком оригинальными вопросами: что такое видеоклип? Откуда он взялся и зачем? И, наконец, каково его будущее?

Для начала обратимся к большой статье, увидевшей свет в одном из номеров известного журнала «Тайм». Это обширная публикация-исследование о видеоклипе. Называется она «**Рок — видео — музыкальная революция**».

«Магнитная лента и пластинки сделали свое дело: пик пришелся на 1978 год, когда в мир было выброшено 726 миллионов дисков и пленок. Но уже в следующем году наступил спад. Казалось, что в роке уже все изжило себя. Панк и «новая волна» вызвали много шума в прессе, но еще не успели пробиться к публике: в частности, на радио гоняли все те же песни и ритмы. Было ясно, что нужно что-то делать, но что именно, ясно пока не было. Пластиночный бизнес переживал мучительный кризис, и именно в это время телевидение и видео ушли вперед.

Нельзя точно сказать, кого именно посетило вдохновение: бум начался раньше, чем все успели сообразить, что же произошло. В конце 1980 года клипы посыпались дождем. Некоторые из них были просто концертными номерами, поверхностно снятыми и смонтированными. Другие напоминали сюр-видения на тему иллюстрируемых песен. И те, и другие были тогда чем-то вроде комиксов. Но видеоклип, будучи технологической удачей, быстро стал названием целой области аудиовизуальной культуры».

Каковы же «родимые пятна» видеоклипа, отличающие его от рекламных видеороликов и от других видов музыкальных шоу?

Во-первых, задача клипа состоит в том, чтобы представить зрителю песню (или музыкальный номер без слов) с целью более успешной реализации пластинки. В очень жестких условиях видеоклип должен сконцентрировать внимание зрителя на экране и «не отпу-

скасть» его до последнего кадра. Трудности психологические (зритель может отвлечься) и экономические (минута эфира стоит очень дорого) не позволяют свободно располагать экранным временем, отсюда вытекает (**во-вторых**) канонический метраж видеоклипа — не более 4 минут, впрочем, обычно и песня длится не дольше. Казалось бы, такие условия не сулят ничего интересного. Но есть еще и **в-третьих**: изображение в клипе строится на совершенно новых принципах. Дело в том, что слова песни — отнюдь не основа изобразительного решения. В наиболее удачных клипах «картинки» находятся в живом диалоге с музыкой и ритмом, а со стихами — в контрапункте или вовсе в отрыве. Почему? Потому что иначе будет скучно!

Итак, три упомянутых условия в сочетании с поистине неограниченными технологическими возможностями и создали удивительный синтез многих искусств: музыки, кино, театра, мультипликации, а теперь еще и компьютерной графики. Все это, естественно, не гарантирует отменного качества продукции. Более того, средний клип чаще всего представляет собой набор штампов. Но проделана гигантская работа, чтобы нащупать эти беспроторные тропы, и нет смысла пренебрегать этим опытом.

Изобразительное решение клипа строится примерно так же, как в кино. Большую роль играют атмосфера, оттенки ощущений, гибкость и богатство ассоциаций, вызываемых самим исходным материалом. Весь многолетний опыт кинематографа, его киноязык, его эксперименты с растягиванием и сжатием времени (монтаж — это время на экране!) достались видеоклипу в наследство. Однако клипменами сделаны

для хорошей песни, ее все равно будут покупать! Суть в том, что очень трудно поставить удачный клип с плохой песней, так как если песня разваливается, то и изображение не будет «держаться». А вот несколько цифр. Средняя стоимость съемки видеоклипа составляет 40 — 60 тысяч долларов, а для некоторых суперхитов — до 3—4 миллионов. Часто строится огромный павильон, причем «без дураков», как для полнометражной картины, и все это для двух-трех общих планов минимальной длительности. Съемки занимают минимум времени. Тоб Хупер, автор колоссальных постановочных лент, снял замечательный клип Билли Идола «Dancing with Myself» за два дня, смонтировал за неделю и увидел на экране телевизора через две недели после начала работы.

Существует уже несколько подвидов клипа. Наиболее распространенные из них я попробую описать.

Первыми, видимо, следует назвать клипы «под концерт»: музыканты изображают работу на концерте (иногда используя и хроникальные кадры), и эти эффектно снятые куски перебиваются некоей «начинкой», связанной с конкретным номером. Несмотря на кажущуюся исчерпанность такой формы, и сегодня встречаются очень удачные работы в этой стилистике. Например, недавний номер Майкла Джексона «Грязная Диана»: Джексон на сцене, среди плещущихся на ветру ярких огромных полотнищ. Эти кадры монтируются с проходами элегантной девушки, чья красота, может быть, чуть-чуть вульгарна. Этот клип — какой-то удивительный пример новейшего декаданса. Изысканная музыка, проникнутая тоской и еле уловимой иронией, тонкие монтажные переходы от артиста к де-

КЛИПЫ И

Мария ЕЛИСЕЕВА

ВСЕЖИЛПЫ

и существенные открытия, обогатившие, в свою очередь, мировой кинематограф. Но это тема для отдельной статьи.

Превалирование музыки над словами отличает видеоклип от мюзикла, и клип, созданный на хорошем уровне, можно назвать аудиовизуальным сонетом — строгие временные рамки, функция и обусловленная ими эстетика сделали видеорок особым жанром.

Но от чего же больше всего зависит удача или неудача? Вновь обратимся к уже цитированной статье и послушаем специалистов. Говорит Дэвид Малле, поставивший несколько сотен видеопрограмм, в том числе с Дэвидом Боуи, группами «Рокси Мюзик» и «Бумтаун Рэтс»: «Вы можете сделать хороший клип для плохой песни, и это не поможет: пластинка «не пойдет». Но если вы снимете неважный видеоряд

вушке (наплывом), простое, но безупречное оформление сцены... В целом у клипа слегка терпкий привкус, не свойственный прежним вещам Майкла Джексона.

Еще один популярный принцип съемки клипа — «под кино». Этот способ действительно часто приводит к созданию трехминутного кинофильма. Из недавно показанных по нашему телевидению клипов «под кино» можно отметить номер Джорджа Майкла «Я буду для тебя всем»: персонаж артиста — меланхоличный влюбленный, пытающийся завязать знакомство с ослепительной манекенщицей. Эта история снимается по принципу «подглядывания». Сама песня Майкла, может быть, не бог весть какой шедевр. Но, помимо отработки образа исполнителя, изображение выделило эмоционально-эротическую окраску песни, какое-то осен-

нее томление, что и делает этот клип свежим и удачным.

Третий из распространенных вариантов — коллаж. Это очень сложная работа, с применением комбинированных съемок, мультипликации, компьютерной техники и т. д. Методом коллажа часто сняты клипы Питера Габриэля, группы «Токинг Хэдс». Ралид, дорисовки, острый ритмичный монтаж делают такой клип чрезвычайно эффектным, броским. Но особенно «нагруженный» деталями коллаж способен отодвинуть песню на второй и третий план, если пренебречь мерой. Как правило, соседство с таким стилем изобразительного решения выдерживают легкие, шуточные или танцевальные песенки, с хорошо запоминающимся ритмом.

2. Детские болезни отечественного видеорока

Я выделяю советские видеоклипы в особую главу, потому что наш опыт в этой области еще невелик, и беспристрастное сопоставление со зрелищными западными образцами может повредить юному организму. Я вовсе не хочу сказать, что некому работать в этой области — хорошие режиссеры и операторы у нас есть, да и техника потихоньку начала появляться. Проблема в том, что наши клипмены вынуждены вновь изобретать велосипед, так как, насколько мне известно, ни теория видеоизображения, ни принцип работы с имиджем, ни (тем более) законы построения клипа у нас не преподаются. Между тем все эти объективные законы существуют и хорошо изучены «там». Мы же годами отмахивались от рок-культуры, считая ее чем-то несерьезным и даже вредным.

Авторы наших видеоклипов вынуждены подражать своим западным коллегам, что далеко не всегда оправданно. Во-первых, у советского рока своя специфика, его отличают две главные особенности: сильный политический и социальный акцент и традиционное внимание к тексту. И то, и другое вполне естественно и пороком не является. Но обычные стихотворные формы (на русском языке) практически невозможны положить на рок-музыку — если

иметь в виду ее западные образцы. Может быть, поэтому большинство песен наших групп так похожи на произведения членов КСП — они так же повествовательны, и музыка в них столь же второстепенна. При этом, как ни удивительно, тексты в наших рок-песнях часто оказываются очень слабыми.

Во-вторых, средний уровень советских рок-композиций удручающе низок. Я думаю, не случайно сейчас так упала посещаемость концертов. Мало того, многие наши группы и рок-звезды совершенно непрофессионально относятся к своему сценическому образу. Судя по всему, они думают, будто имидж — это только одежда и грим. Но имидж — это детально продуманная концепция Персонажа, охватывающая все: внешность, пластику, костюм, стихи и музыку, стиль поведения на концерте, на экране и «в жизни», манеру говорить, давать интервью и многое другое. Имидж не снимают с себя, как спецовку, в конце рабочего дня: следуя ему, человек склонен меняться и внутренне. Наиболее выраженный продукт современного имиджа — это Майкл Джексон, актер, певец и превосходный танцор. Его образ — вечный мальчишка, цветной подросток из бедных кварталов. Холодноватый, полудетский голос, короткая рукава и штанины, чаплинские

башмаки, гуттаперчевое тело и игрушечное лицо — все это сделано в расчете на видеofilm, видеоклип, с учетом не только концертной деятельности, но и работы на крупном плане. Джексон — это совершенная форма поп-идола; и, конечно, его отточенное мастерство, никогда не выходящее за рамки своего образа, есть идеальный пример жизни в искусстве.

Что же отличает наши группы? Обилие «металлической» символики, не поддержанное репертуаром; хард-роковые прически и грим, которыми украшают себя музыканты всех направлений, в том числе типично попсовые; нежелание учиться сценическому движению и сохранять себя в хорошей форме, что приводит к хаотически бессмысленному поведению на сцене. Многие вокалисты не владеют голосом, а музыканты не умеют хорошо играть, и это скрывается за шумом, громом и пиротехникой. Не дай бог, придет какой-нибудь Оззи Осборн — и конец нашим доморощенным хард-рокерам и «металлистам»: вот где талант, энергия, умение работать!

Советские клипы очень портят штампы, это серьезная проблема. Что на экране почти всегда бьет в яблочко? Правильно: берег моря (лучше с чайками), нижние ракурсы (от снятых снизу идущих ног уже просто тошнит), девуш-

ка в мини-юбке, развевающиеся на ветру волосы (лучше светлые и обязательно рапидом), цветы, детские личики, многозначительные взоры из-под ресниц, детали обнаженного тела, крупно снятые губы, глаза во весь экран, вышагивающие манекенщицы, мчащиеся автомобили и т. п. Из этих клише монтируется большинство наших клипов. В этом случае не надо ничего придумывать.

Впрочем, у нас есть и неплохие клипы. Например, номер группы «АВИА» «Я не люблю тебя». Конечно, остроумная песенка дала возможность пофантазировать; немаловажно и наличие собственного лица у группы. При таких условиях клип вряд ли мог получиться уж очень плохим. Еще одна удача — «Поезд в огне» группы «Аквариум». Авторы клипа не пытались сломать структуру песни; монтаж здесь тактичный и не слишком рубленый, что позволяет не только полюбоваться лицом поющего, Гребенщикова и его живописных друзей, но и оценить связи между игровыми и хроникальными кадрами... Словом, когда исходный материал хорош и авторы клипа это понимают, вполне вероятен успех.

3. Попытка прогноза

На мой взгляд, видеоклип сегодня находится на границе между жанром и видом искусства. Уже очевидно, что собственный киноязык видеорока отличается от других жанров аудиовизуальной культуры. А само наличие языка свидетельствует об известной самостоятельности и зрелости.

Нет слов: до большого искусства еще далеко. Но обстоятельства возникновения клипа соединились каким-то особым образом, и вполне возможно, что из гадкого утенка вырастет прекрасный лебедь. Что же склоняет меня к подобному прогнозу?

Во-первых, как я уже сказала, существование феноменального киноязыка, опирающегося на вполне определенный и даже мощный фундамент. Во-вторых, сознание того, что ни одно из появившихся в культуре искусств не исчезло бесследно. Скажем, довольно нетрудно узнать в «авторской песне» отголоски средневековых баллад, и традиции русских романсов, и наследие современного, романтически-приблатненного городского фольклора. То же можно сказать и о рок-музыке и добавить сюда карнавалы, элементы, эстетику уличного театра, опыт оп-арта и поп-арта, принципы искусства хэппенинга, влияние индийской и дальневосточной философии и т. д. — словом, стремление к синтезу искусств, свойственное всему двадцатому веку.

В-третьих, некоторая иллюстративность видеоклипа вовсе не помеха для его авторов. Во всяком случае, книжная иллюстрация — древнее и уважаемое искусство — в большей степени привязана к своему тексту. Музыка же дает море свободы художнику.

В-четвертых, «ужасные» рекламные цели и сегодня не очень-то мешают людям с фантазией. Да и со временем коммерция может ослабить свои тиски. Главное, не пренебрегать ремеслом — основой таланта, а то у нас выпячивание своего дилетанства стало чуть ли не хорошим тоном.

Видеоклипы сегодня — очень разные произведения, от подделок до шедевров. На наших глазах и с нашим участием прошел Первый международный телефестиваль видеоклипов (52 «участника»), на котором были представлены победители хит-парадов видеорока по данным зарубежных журналов на 1988 год.

В последнее время появились новые виды клипов, говорить о которых еще рано. Но можно отметить тенденцию отхода от «шокового» изображения, от коллажей, перенасыщенных предметами и приемами. Стало меньше клипов с рубленым жестким монтажом и замедленными съемками. Видимо, завершён процесс проб и ошибок, и начинается период анализа находок. Что же, может быть, самое интересное только впереди!

МЕРТВЫЕ ДУШИ

Виталий ЕРЕМИН

Из сообщения пресс-группы УВД Белгородского облисполкома. Это случилось 29 сентября 1988 года. Женя Лунин и Роман Антонов, мальчики двенадцати и тринадцати лет, вышли погулять. Но ни вечером, ни ночью домой не вернулись. Родители забились тревогой, стали звонить в милицию. На следующий день были задержаны семнадцатилетний Владимир Наумов и шестнадцатилетний Сергей Пронский, учащиеся СПТУ № 20 и № 17. Они указали место, где убили Женю и Романа и закопали их тела...

Первое, что бросилось в глаза тем, кто задерживал Пронского, это его кулаки. Они были черными. Особенно костяшки пальцев. Представляю, как балдели над этими кулаками в камере следственного изолятора. Пронский не жалел красок, рассказывая, как они с «Наумом» «поработали» в последний месяц своей свободной жизни.

«Работа» называлась «трясти крестов». Они подходили к своим сверстникам, у которых, по их мнению, были деньги. Это в основном приезжие, сельские ребята, из крестьян — «кресты». Не случайно «работа» велась на территории железнодорожного вокзала. Для того чтобы заманить свои жертвы в укромное место, применялось несколько способов, неизменно примитивных, но поразительно безотказных. Либо они просили, чтобы им помогли «позвать одного парня», либо — «позвать одну девчонку».

Свидетель видел, как они шли, обняв Женю и Рому за плечи. Ввели их в сторону железнодорожной станции, на окраину Белгорода. Наверняка мальчики чувствовали, что ничего хорошего впереди их не ждет. И тем не менее шли! Такова страшная, почти гипнотическая власть старших подростков. Такова психология младших: не протестуй, не сопротивляйся, дорожи тем, что с тобой обращаются по-хорошему, иначе будет хуже. Делаю этот вывод потому, что все предыдущие жертвы Наумова и Пронского были их одногруппниками или немногим младше.

Отец Романа Антонова не понимал, как могли проявить хотя бы малейшее насилие над его сыном. У мальчика было обостренное чувство собственного достоинства. Не понимал, как могли одолеть сына физически, если он, отец, крепкий мужчина, не мог побороть мальчика. Не понимал этого и отец Жени Лунина, потому что его сын тоже не был слабым.

Сидя на скамье подсудимых, Наумов и Пронский выслушивали отцов с кривыми ухмылками, а потом с заметным смаком объяснили, чем они брали всех, кого решали «потрясти». Они обрушивали на свои жертвы серии сильных, отработанных ударов. И, видя полную растерянность, выбивали из них остатки всякой воли к сопротивлению. «Встань прямо! — цедили они. — Подними подбородок!» И били в приподнятый подбородок. А потом спрашивали, кто из них бьет сильнее. Если недогадывая жертва указывала, предположим, на Наумова, Наумов кулаком доказывал обратное. Если кто-то догадывался сказать, что они оба сильно бьют, — били за то, что жертва хитрит: «Не может быть такого, чтобы удары были одинаковыми».

Потом они требовали сказать, сколько в карманах денег. Предупреждали: «Соврешь, будем бить еще сильнее». Один из потерпевших утаил рубль. За это его подвергли издевательствам, названным в судебном протоколе «особо циничными действиями».

Женя и Роман отдали все, что у них было, — 30-копеек. На большую добычу

рассчитывать не приходилось. Наумов и Пронский знали это по опыту «тряски» в школе и СПТУ. Много ли карманных денег у 12-летних мальчишек! Поэтому технология «тряски» была ими заметно усовершенствована. Они пытались «вытрясти» не столько то, что было в наличии, сколько то, что жертва могла бы принести на следующий день.

Наумов и Пронский, кроме «особо циничных действий», совершали насильственные акты мужеложства. Расчет был точен. Разве кто-нибудь решится рассказать об этом родителям? Разве каждые родители, даже если они узнают об этом, заявят в милицию? И разве не захочет подросток заплатить за то, чтобы никто не узнал о его невольном позоре?

Роман Антонов сказал учителям, что у него дома готовятся к свадьбе сестры. Родители сняли со сберкнижки большую сумму. Он знает, где лежат деньги. И если его и Женю отпустят, он принесет тысячу рублей.

К тому времени Наумов и Пронский уже совершили 6 грабежей личного имущества, 4 кражи личного и государственного имущества, 3 изнасилования, 2 разбойных нападения, 15 хулиганских действий, 3 насильственных акта мужеложства (перечисляю только те преступления, которые были вскрыты следствием и доказаны судом). Несколько раз их задерживала милиция. Понимали, что оставаться в городе становится опасно. И решили уехать. Но на дорогу нужны были деньги. И вот — такая удача!

Но прежде чем отпустить мальчиков за выкупом, они решили убедиться в искренности их обещаний. Для этого придумали еще один способ пыток — имитацию удушения.

— Когда оба сказали, что принесут все деньги, — говорил Наумов, — мы сразу поняли, что они нас обманывают.

В руках бандитов был ключ от квартиры Антоновых. Идти за деньгами решили утром. Но куда девать мальчи-

ков? Пронский сходил куда-то и вернулся с восьмикилограммовой трубой с большим набалдашником. Пока он ходил, мальчики, изнасилованные во всех извращенных формах и до полусмерти избитые, стояли на коленях. А Наумов возвышался над ними, держа в руке большую палку.

Сентябрьский ветер шевелил кроны деревьев. Где-то рядом, в реке Везелке, плескалась рыба. Было около часа ночи. Страдания мальчиков длились уже больше трех часов. И я не знаю, понимали ли они, что их ждет после возвращения второго мучителя. Надеялись ли они на помощь родителей, милиции. Скорее всего надеялись. Ведь их дом был в нескольких сотнях метров от того места, где им учинили пытки и медленную казнь.

Товарищи родители! Если ваш ребенок не вернулся домой в то время, в какое он всегда возвращается, не звоните в милицию, как это сделали Антоновы и Лунины, бегите туда сами. Бегите со всех ног, берите милиционеров за грудки, пробивайтесь к самому большому начальству. Требуйте принятия самых срочных мер. Обзванивайте соседей, друзей, знакомых и сами, не дожидаясь милиции, прочесывайте окрестные подвалы, чердаки, заброшенные строения, скверы, лесопосадки. Вас будут упрекать в паникерстве — не обращайтесь внимания. Вас будут уверять, что ваши дети никуда не денутся, вернуться — не слушайте. Помните, что дорога каждая минута, а может, и каждая секунда. Помните, что дети рассчитывают прежде всего на то, что вы вовремя спохватитесь и забудете тревогу.

Дважды звонили в Свердловский РОВД Антоновы и Лунины. К ним приходили, спрашивали, кто где родился и когда.

— Какое это имеет значение?! — спрашивали матери.

— А может быть, ваши дети уехали туда, где вы жили раньше, к вашим родственникам? Может быть, они в бегах.

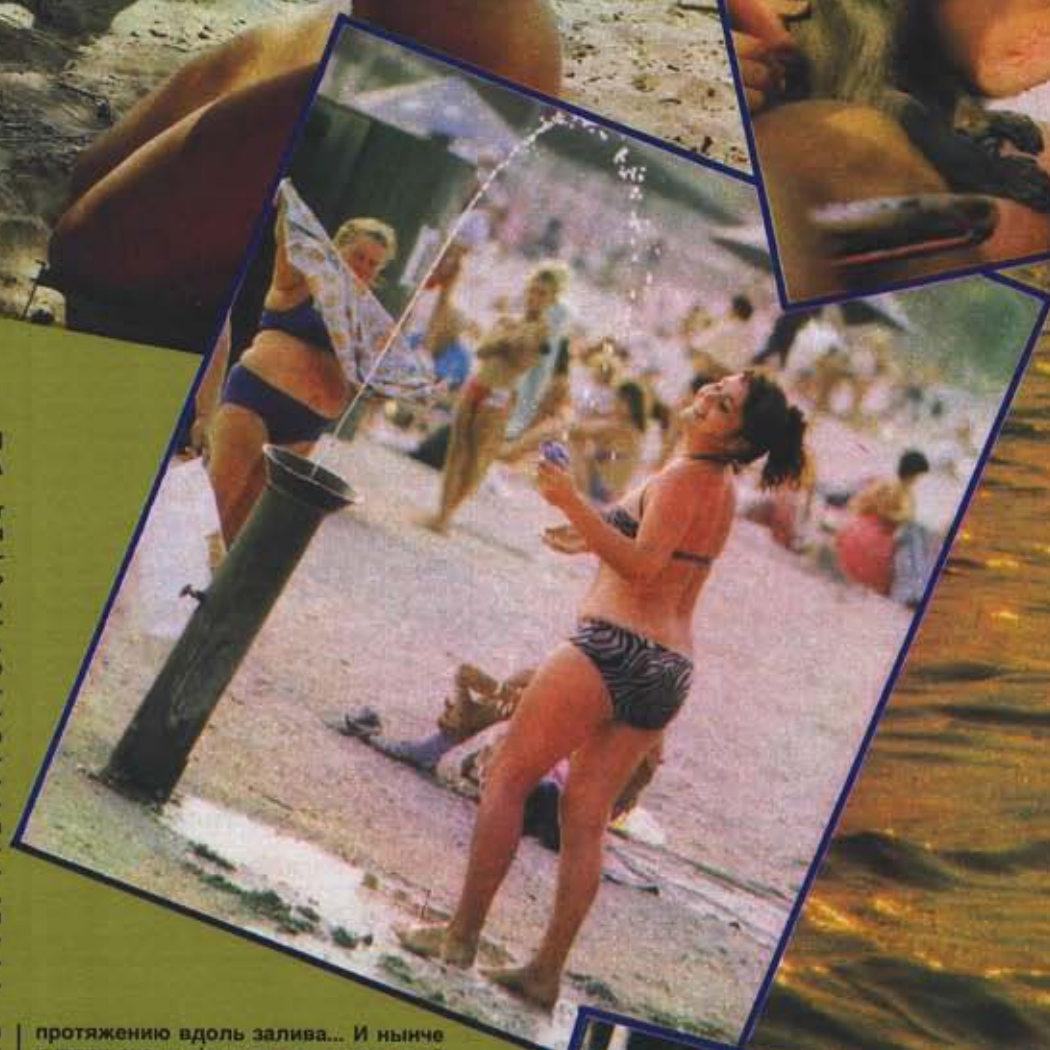
— Наши дети не такие! — в слезах кричали матери.

— Все обойдется, — успокаивали их. Примерно в 12 ночи родителям стало ясно: произошло что-то ужасное, но их детей никто не собираются искать. Они позвонили снова. И услышали в ответ: — Не смотрите за детьми, вот и ищите сами.

— Сделайте объявление по радио! — требовали родители.

Ах, если бы в самом деле срочно объявили о пропаже детей по радио и телевидению! Всегда, почти всегда есть человек, который что-то видел. Был такой человек и в этом случае. Жил неподалеку. Знал мальчиков. Знал и Наумова с Пронским. Своими глазами видел, как они увели мальчиков. Только «не подумал, что они могут так поступить с ними». Потом, на другой день, он навел родителей на след убийц. Но мог бы раньше, в ту страшную ночь. Если бы услышал объявление.

— Объявление даем только после трех суток со дня исчезновения де-

Святослав КОТЕНКО

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ
и Владимира КОКОВКИНА

Сравнительно недавно Госкомстат СССР сообщил, что в летнее время в стране отдыхает девяносто миллионов трудящихся, притом лишь пятая часть — организованно. Ну, статистика наша при любых стараниях к обновлению все-таки туманна. Заботится она, чтобы ее цифрами не только манипулировать, но и оперировать оказывалось не по зубам, однако ж догадаемся, что дети в число трудящихся не включаются и каково реальное количество отдыхающих, учету не поддается. Председатель Гудаутского горисполкома предложил пользоваться такой методикой: по росту потребления хлеба можно прикидочно сообразить, сколько у тебя на курорте людей пришлых. Тех, кто едет своими машинами, летит, плавает, в поездах трясется, в автобусах сюда, под благодатное южное солнце.

Вот и задумал я в разгар сезона представить два непритязательных курорта — Скадовск и Гудауту. Но, прежде чем окунуться в отдых «подикарски», давайте познакомимся поближе с «местами действия».

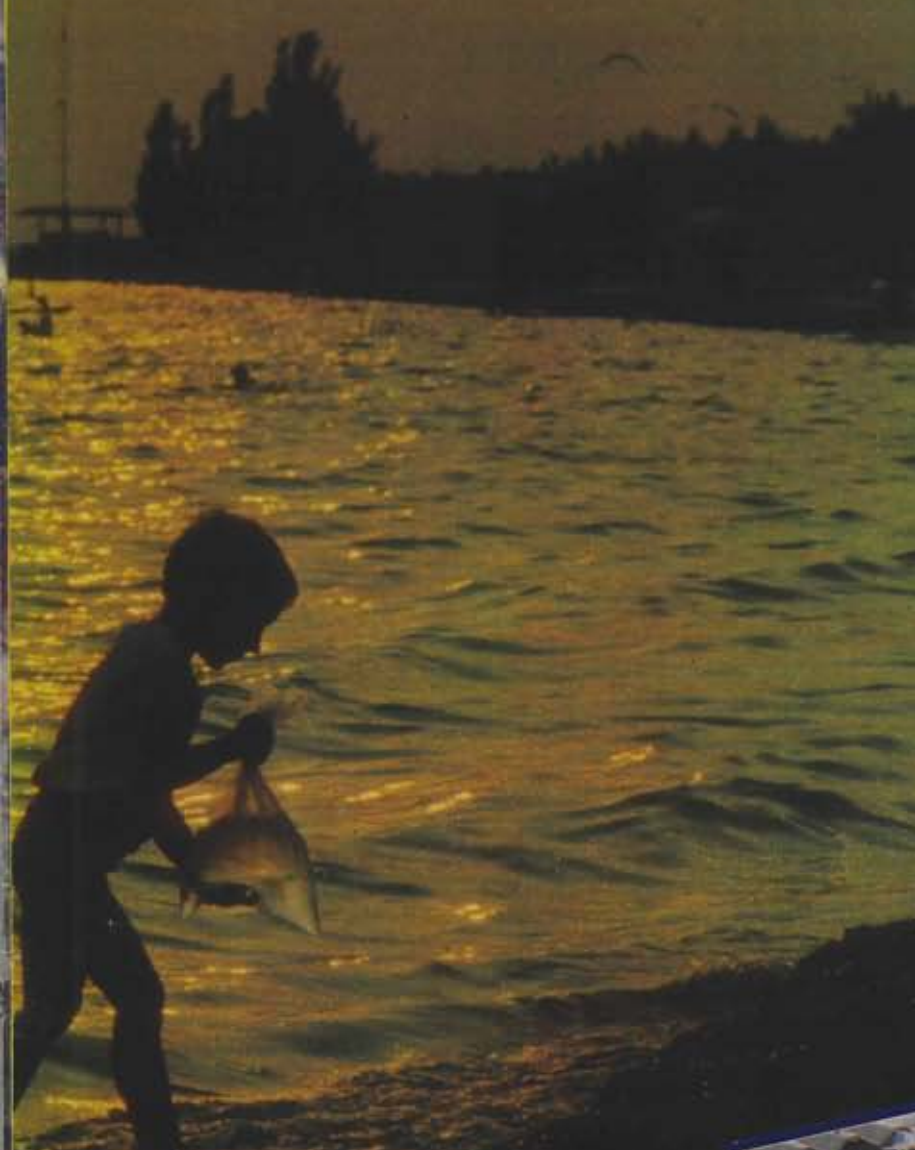
Не за горами столетие Скадовска. В 1894 году помещик Скадовский основал тут поселение. Порт хлебоотправочный стал строить, потом и курорт, с ваннами, с доставкой на отдых дилижансами... Вспоминать добром г-на Скадовского следует за очень толковую планировку города: открытость к морю и связанность по

протяжению вдоль залива... И нынче курорт этот, официально именуемый «Детская медицинская оздоровительная зона», «заглатывает» до полумиллиона «дикарей» против ежегодных 90 тысяч организованно отдыхающих. Причем натиск особенно дружен в дынно-арбузный конец лета.

Как курорты Скадовск и Гудаута практически ровесники. Правда, история Гудауты куда обширнее. Был город этот итальянской факторией Каво де Буксо в XIII—XIV веках, пока самшит окрест не вырубил

АХ, ЛЕТО, ЛЕТО...

Отдых «по-дикарски». Кому и во что он обходится...

ли — оттого жизнь на благодатной местности не влекла абхазов: неспокойной оказывалась она перед лицом всевозможных нападений. Народ селился в крепостях на кручах.

Проезжая побережьем, место это люди примечали, да не стало оно, к сожалению (или к счастью), настолько же авторитетно-престижным, как Пицунда и Новый Афон...

Обозначив места действия, продолжим разговор о летнем отдыхе. Та же статистика доказывает, что на общение с детьми, на семейные беседы выпадают нам в сутки жалкие минуты. А вот разок в год имеется шанс провести отпуск в кругу семьи. И «дикарское» обустройство оказывается здесь всего сподручней: пусть в чужом, а все-таки в домике живешь. И в Гудауте, и в Скадовске говорили мне, что приезжие неохотно селятся в многоквартирных многоэтажных зданиях, где есть удобства, коих лишены частные дома. Нет, не ради комфорта, а ради простоты и взаимоблизости тянутся на юг люди. Круг забот сокращается, и появляется истинная возможность посуществовать семьей.

...О прелестях и пользе заговорили, но, когда в один из дней прибояная полоса гудаутского пляжа усеялась щепками и корнями и принесло к берегу семиметровое дерево с обломанными наостро ветвями, отдых у моря как-то потерял привлекательность. Да и река, давшая имя городу, в устье своем — стоячая химически яркая зелень, а не горный поток. И рыбе, скажем, в такой жидкости только сдохнуть остается.

Слышал, Гудаута и Скадовск давно соревнуются. Если б спорили, чей курорт благоустроеннее и гостеприимней? Нет, соревнуются Скадовский и Гудаутский районы, обширные территории интенсивного сельского хозяйства, на которые химия вовсю наступает.

Гудауту окружили виноградники и мандариновые рощи. А плоды как получаются? Большой химией. А у скадовчан царствует рис, значит, и удобрений поток. Причем рис, сами знаете, без обильной воды не растет. Где ее взять? Усталые днепровские воды, собрав по материке все стоки, затормозившись по пути в рукотворных морях-водохранилищах, под конец своего ползучего бега прибывают в Краснознаменский канал, растекаются по рисовым чекам. Сверху их приветливо осыпают пестицидами-гербицидами самолет за самолетом, а поскольку допахались до уреза морского, то с разгону заодно и пляж вам летчик «обрабатывает». Потом воду спускают с рисовых плантаций, с одной на другую, покамест за пределами грязные и вредные стоки не побратаются с черноморской водой. Сильны в море запасы самоочищения, да не беспредельны. А район соревнуется, и рис — его гордость и богатство; житница трудится. Перевести ее на безвредную и бессточную технологию... Это кто ж столько денег разрешит истратить?

И страсти накаляются... Общественность поднимает голос в защиту природы, и местные власти начинают ему внимать, но весьма своеобразно: распространяют ли-

стовки, в которых уверяют — страхи преувеличены, купайтесь на здоровье!

Приезжие в Скадовск еще верят начальственным листовкам-заверениям. Сами же скадовчане городским пляжем зареклись пользоваться и детям запретили. Переправляются ради купания через залив, на побережье острова Джарылгач.

Остров Джарылгач... Этот неширокий сорокакилометровый песчаный язык обладает какой-то тайной притягательности. Птицам, включая фазанов, тут нравятся. Есть и олени, и кабаны, и лисы... Табун лошадей разгуливает на свободе. (А при Скадовском еще и верблюды паслись.) Притом растительность здесь самая пастбищная, характера полупустынного, да обильна и живности способна прокормить больше.

Радуетесь душа в этом краешке земли. И не мне одному он приглянулся: из Чехословакии поступало предложение взяться за Джарылгач как курортное местечко, в обмен же дать места в Карловых Варах; от мурманчан доходила идея передать землю в работу шведским фирмам — пусть оборудуют все на высшем уровне, после семилетней эксплуатации вернем району. Хорошо, районные власти на уговоры не поддались. А самим взяться?..

Я бы предложил создать некое акционерное общество: пуская и организации, и частные лица вкладывают средства, komponуют нужную, но экологически безвредную инфраструктуру. Обществом таким мог бы стать, например, кооператив типа садово-огородного, но не ради агроурожая, а ради урожая приезжающих на отдых. (Но не шашлычный, когда под дымовой завесой собирают бешеный «навар» и быстро скрываются с поля жарки.)

Хозяева нужны, которые и за домом, и за участком, и за окрестностью следить станут, чтобы у себя источник дохода не перекрыть, не обрубить. Не арендаторы-пришельцы, а постоянные радители — вот кто надобен!

По Джарылгачу расселиться нет проблем, оставляя простор и пастбище: стада и табуны будут радовать глаз детский и взрослый, и та радость окажется подороже охотничьего азарта. Если же — о фантазиях волшебная! — постояльцы умерят дикарские без кавычек наклонности, то райский сад окажется обитаемым, и — милости просим — приезжайте!

Когда это будет? И настанет ли?..

А пока «дикарь» на отдыхе похож более на Робинзона, выброшенного цивилизацией на остров, да без верного Пятницы, который помог бы ему в вынужденной житейской и душевной мвете. Впрочем, не все так мрачно. Что я имею в виду? Беда в том, что и Гудаута, и Скадовск просто райцентры со всеми нормами и нормативами согласно постоянному населению в 14 и 22 тысячи душ соответственно. Словно нет ни морских прелестей, ни курортной действительности: она вынесена как бы за скобки, оставлена на волю добротности. Неясно, где же хозяин и хозяйские права? Городским организациям подвластна лишь малая часть, другая — району, еще другая — профсоюзам, еще — министерству...

Года три назад организация «дикарского» отдыха была навешена на Бюро путешествий и экскурсий, да так прижилась тут, что, похоже, стать может ведущей формой деятельности бюро... Издалека приезжают по предварительной договоренности компании по тридцать — сорок человек, селятся в местных домах, желательна в соседствующих, получая и сервис в комплексе, и некоторую защиту своих интересов: за их отдых отвечает здешнее бюро.

Дело это новое, и специализируются в нем, находят себя люди самые разные. Но (в лучшем случае!) пред-

«КОНТРЕВОЛЮЦИЯ»

Вчера, в 6 часов вечера, в клубе имени Дзержинского Военный трибунал пограничных и внутренних войск Западно-Сибирского округа в открытом судебном заседании приступил к слушанию дела по обвинению бывшего начальника Ленинск-Кузнецкого горотдела НКВД Лунькова А. Г., начальника четвертого отделения того же горотдела Савкина А. И. и оперуполномоченного горотдела НКВД Белоусова А. И. в преступлении, предусмотренном ст. 193-17, пункт «а» УК РСФСР и бывшего и. о. прокурора Ленинск-Кузнецка Клиппа Р. М. по ст. 109 УК РСФСР...

Обвиняемые Луньков, Савкин, Белоусов с провокационной целью, без всяких оснований производили аресты учащихся школ города, в том числе малолетних детей, обвиняя их в тяжчайших контрреволюционных преступлениях (дело Курбатовой и др.). И. о. прокурора Ленинск-Кузнецка Клиппа, даже не знакомясь с материалами обвинения, давал санкции на арест...

«Советская Сибирь», 21 февраля 1939 г.

В Ленинск-Кузнецке, как и по всей советской стране, счастливые советские школьники любят дружить, ходить друг к другу, беседовать, совместно читать книги, посещать кино. Неусыпное око Савкина зорко следит за всякой дружбой детей, чтобы, получив сигнал, обвинить 12-летнего школьника В. Логунова в создании «антисоветской» организации, в «терроре» педагогов, пионеров. Достаточно было обнаружить у 2—3 детей перочинные ножи, как детям предъявлялось тяжчайшее преступление, предусмотренное статьей 58-й Уголовного кодекса.

В фабрикацию ни на чем не основанных, от начала до конца высосанных из пальца обвинений против детей Савкин вкладывает все свои силы, проявляет высокую «изобретательность». Он проникает инкогнито в школы Ленинска, собирает «данные» на месте, при этом ведет допросы детей в отсутствие педагогов с грубейшим нарушением законов, учиняя подписи на протоколах через 2—3 дня.

На судебном следствии Савкин прикидывается Иваном не помнящим родства. Он все запоминавал, «не помнит ничего»: ни дат, ни фамилий, ни фактов. Зато там, где это выгодно, чтобы выгородить себя, к Савкину вдруг возвращается память и он начинает говорить о конкретных делах.

Прокурор: Скажите, подсудимый Савкин, было или нет у вас достаточно данных, чтобы квалифицировать предъявленные детям обвинения, как контрреволюционные?

Савкин: Мне кажется, такие данные были.

Прокурор: Тогда назовите факты, укажите людей, конкретных виновников, время — когда и где это было?

Савкин: Не помню.

Прокурор: Какие у вас были данные для того, чтобы в составленной вами справке выдвинуть обвинение 12-летнему В. Логунову в том, что еще в 1935 году девятилетним мальчиком он занимался вербовочной деятельностью и руководил «антисоветской» организацией?

Савкин: Не помню, как могла втереться в составленный мною документ эта ошибка.

Прокурор: Чем объясняете вы, что первоначально количество детей, допущенных, по вашему мнению, антисоветские проступки, было определено цифрой 60, а потом эта цифра была доведена до 160? Не с потолка ли была взята вами эта цифра?

Савкин: Не помню. Вероятно, это машинистка опечатку сделала.

Прокурор: Отдавали ли вы себе отчет в том, что, предъявляя школьникам в возрасте 10—12 лет обвинения в тяжчайших государственных преступлениях, вы тем самым клеветали на счастливую советскую детвору?

Савкин: Только теперь мне стало ясно, что я поступил неправильно, грубо нарушил закон от 7 апреля 1935 года...

«Советская Сибирь», 22 февраля 1939 г.

Семилетний Володя попытался у отца:

— Папа, а как делаются пушки?

Отец ответил сыну очень смешно и интересно. И в детском чистом воображении возникла веселая картина: вот делатель пушки «берет» дыру и «обливает» ее медью. Пушка готова.

Володя сиял от удовольствия. Он был счастлив на тех же основаниях, что и чеховский ребенок, которому мама нарисовала суп с клецками. Володя жил весело, прекрасно. Но вот через три года, в 1938 году, Володя попал сразу к четырем «папам». Это были Луньков, Савкин, Белоусов и Клипп. Они разговаривали с Володей на странном языке, упорно повторяя один и те же слова: «фашизм», «контрреволюция», «террор», «вооруженное восстание», «вербовка», «организация».

Все эти дяди были с перьями и бумагой. На дворе стояла глухая полночь. Володе стало скучно и хотелось спать. Но незнакомые дяди, нацелив перья, продолжали повторять свои слова.

Дело не ладилось, но после нескольких дней, проведенных Володей в тюрьме, все пошло, как по маслу. Следователь Ленинск-Кузнецкого городского отдела НКВД Белоусов спрашивал:

— Вы состояли в контрреволюционной фашистской террористической организации?

Володя, становясь в позу и сдвинув брови, отвечал:

— Признаю себя виновным. Я состоял в контрреволюционной фашистской террористической организации.

И следствие продолжалось.

— Вы возглавляли группу?

— Признаю себя виновным. Я возглавлял группу.

— Вы свою вербовочную деятельность начали в 1935 году?

— Признаю себя виновным, — неизменно отвечал Володя. — Я свою вербовочную деятельность начал в 1935 году.

Белоусов торжествовал. Его начальники Савкин и Луньков были вне себя от радости, даже прокурор

Клипп, бездушный футляр, напичканный изречениями из словаря иностранных слов, проявил некоторое движение живости. На суде Белоусов нагло хвастает:

— Допрашивать мне было легко!

Правда, открылось пренебрежительное обстоятельство. Надо спрашивать «преступника» Володю, когда же он был сам завербован в организацию. Ясно, что он был «завербован» раньше 1935 года, поскольку в 1935 году он уже сам «вербовал», а в 1935 году «преступнику» было... 7 лет. Но вопрос разрешился сам собою. Володя был завербован задолго до его рождения.

Так стряпалось дело негодяями, пробравшимися в органы НКВД и прокуратуры, Луньковым, Савкиным, Белоусовым и Клиппом. Дети сидели в тюрьме вместе с бандитами, уголовниками и политическими. Часть детей уже была отправлена в тюрьму другого города.

Провокация, преступная, грязная, бессовестная клевета на советских детей! Луньков, Савкин, Белоусов и Клипп прекрасно это понимали. Судебным следствием теперь точно установлены подлог документов, искусственность дела. Ни в каких документах следствия и сообщениях возраст «преступников» не указывался.

Председательствующий (к Лунькову): Следовательно, никакой контрреволюционной фашистской террористической организации не было и дети фашистами не были, никаких контрреволюционных замыслов не было, но вы обвинили их, создали дело. Как это дело называть?

Луньков: Фабрикацией. Конечно, это фабрикация.

Председательствующий: Где содержались ребята?

Луньков: В общих камерах.

Председательствующий: Кто в этом виноват?

Луньков: Я.

Председательствующий: А в том, что не было постельных принадлежностей, кто виноват?

Луньков: Я.

Председательствующий: Вам было известно, что допросы проводятся без родителей, без педагогов, ночью?

Луньков: Да, было известно.

Председательствующий: По чьей вине это происходило?

Луньков: По моей вине.

Председательствующий зачитывает целый список детей, арестованных совершенно без всяких оснований. Луньков за каждой фамилией отвечает: «Да, он не виновен. Да, не виновен».

Председательствующий: Но ведь вы всех их обвиняли в фашизме, террористической деятельности?

Луньков: Да.

Председательствующий: Откуда же взялась контрреволюция?

Луньков: Я дал!

Белоусов нехотя, со скрипом и увертками открывает ларчик.

Белоусов: Луньков сказал мне, что нигде не берутся за дело так, как мы. И если мы проведем это дело, то

авторитет наш поднимется высоко.

Белоусова суд допрашивает вслед за Луньковым. Белоусов — это обер-мастер провокации и лжи. На суде он также усиленно лжет, как лгал и в своих грязных писаниях — «протоколах допросов». Прокурор разоблачает все его уловки одну за другой, и вот залгавшийся, страшно развязный обер-мастер провокации приперт к стене и выразительно машет рукой.

Белоусов рассказывает с удивительным спокойствием: «Я писал справки на арест детей. Писал я, придерживаясь «шапки» дела. А «шапку» составляли Савкин и я — вдвоем. Когда я составлял обвинительное заключение, то моя «шапка» вошла туда. Производил допрос без педагогов и родителей».

Прокурор: А дети, скажем, мальчик К., понимали ваши вопросы?

Белоусов: Не понимали.

Прокурор: Были ли в деле материалы, которые бы давали возможность квалифицировать контрреволюционную фашистскую террористическую повстанческую организацию?

Белоусов: Нет.

Прокурор: Вы знаете, что военная прокуратура прекратила это дело?

Белоусов: Прекрасно знаю.

Прокурор: Значит, дети сидели в тюрьме восемь месяцев напрасно?

Белоусов: А мне-то что!

«Советская Сибирь», 23 февраля 1939 г.

Прокурор: Расскажите, как проводился допрос детей?

Свидетель Киреев: Детей допрашивали в отсутствие педагогов и родителей. Это уже было грубое нарушение закона. Детей фактически не допрашивали, а внушали каждому из них мысль согласиться с теми доводами, какие были уже сформулированы, например, следователем Белоусовым и другими подсудимыми. Когда в Ленинск-Кузнецк приезжал я, зам. облпрокурора Зайцев, помощник главного военного прокурора Дорман и когда мы разъяснили арестованным детям настоящий смысл ранее данных ими показаний, дети наотрез отказались от подписанных ранее протоколов допроса. Детей спрашивали, например, знают ли они, что такое фашизм, кто такие фашисты, видели ли их дети. На это следовали такие ответы: «Таких мы видели в тюрьме, где мы сами вместе с ними сидели». Детям задавали третий вопрос: «Состоят ли они в «организации», в чем выражалась «деятельность» членов такой организации»? На это дети отвечали: «А вот если Гришка Мишку ударил где-нибудь или толкнул его, или галстук пионерский потуже затянул, — значит, мы состояли в организации».

ИЗ РЕЧИ ВОЕННОГО ПРОКУРОРА СИБИРСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА БРИГВОЕНЮРИСТА т. ЛИХОВИДОВА.

...Об этой провокации было известно Лунькову и Клиппу, но ни тот, ни другой не проявили себя политическими деятелями, бдительными, зоркими работниками. И тот и другой показали себя ротозеями, политическими шляпами. Клипп выполнял роль штамповщика, он санкционировал аресты детей, хотя не

ЮНЕРЫ

имел на это никаких оснований. Своими преступными действиями грубо творя беззаконие и самоуправство, Клипп объективно способствовал врагам народа.

...Подсудимые, используя свое должностное положение, своими провокационными действиями пытались дискредитировать и запятнать героическое знамя нашей славной советской разведки. Они забыли о том, что это не удавалось и не удастся сделать никому и никогда. Наша партия, руководимая великим Сталиным, наши славные органы НКВД и прокуратуры не позволяют никому в какой-либо степени опорочить работу наркомандельцев, работников прокуратуры. Всякий, кто пытается это делать, будет разоблачен и беспощадно наказан. Органы НКВД под боевым руководством партии и испытанного большевика-ленинца тов. Л. П. Берия разоблачили и будут впредь разоблачать врагов народа и их пособников и беспощадно их уничтожать. Пусть знают все, что указания великого Сталина — беспощадно вскрывать всякие недочеты, ошибки и извращения в нашей работе, критиковать всех работников, невзирая на лица, эти указания выполнялись и будут выполняться...

...Трибунал приговорил: Лунькова А. Г. — к 7 годам лишения свободы, Савкина А. И. — к 10 годам, Белоусова А. И. — к 5 годам и Клиппа Р. М. — к 5 годам лишения свободы. Приговор вынесен без лишения избирательных прав. Все подсудимые лишены носимых ими званий.

«Советская Сибирь», 24 февраля 1939 г.

7 апреля 1935 года, через четыре месяца после убийства С. М. Кирова и новой волны массовых репрессий, было принято постановление «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних». «Несовершеннолетних, начиная с 12-летнего возраста, уличенных в совершении краж, в применении насилия, нанесении телесных повреждений, увечий, в убийстве или попытках к убийству, привлекать к уголовному суду с применением всех мер уголовного наказания»...

И начались по стране «детские процессы». Но брали не только детей «врагов народа». Сын полководца Ионы Якира, арестованный в 14 лет и проведенный в сталинских казематах более 17 лет, рассказал мне, что даже в тюрьмах и лагерях, исходя из этого постановления, стали «переквалифицировать» подростков, совершивших хулиганские, воровские и иные проступки. Им начали вменять в вину шпионаж, террор, контрреволюцию. В тюрьме, где был Петр Якир, такая «переквалификация» вызвала бурный протест. Уголовники, не желавшие иметь что-либо общее с «врагами народа», объявили голодовку, забаррикадировали двери камеры...

Разумеется, пресса того времени не могла говорить всей правды о том, как велись «детские дела». В своей книге «Детство в тюрьме» Петр Якир рассказал об одном из эпизодов, который произошел в 1938 году в Челябинской тюрьме. Ему было уже 15 лет и он

находился в камере для взрослых. Обычно, когда в камеру приносили обед, то дверь открывали, чтобы проветрить помещение. Но как-то надсмотрщики сменились и проветривание прекратилось. В знак протеста заключенные объявили голодовку. Начальство тюрьмы отдало распоряжение найти виновных. Первыми уехали на допрос двоих взрослых. Затем повели Петра Якира.

«За столом, — вспоминает он, — сидел начальник тюрьмы, рядом с ним стоял человек в чекистской форме. Когда меня завели, чекист вплотную подошел ко мне и ударил меня по лицу. — А ну рассказывай, кто инициатор этого контрреволюционного выступления?»

Я попытался объяснить, что никаких инициаторов нет, просто в камере невыносимые условия. Меня еще раз ударили и, не добившись ответа, поволокли в смежную комнату под крики начальника:

— Сейчас после «рубашки» язык развяжется.

В соседней комнате на меня напялили брезентовую рубашку, длиной больше моего роста с длинными рукавами; свалили на пол лицом вниз; рукава связали на спине, завернув руки за спину; соединили их с подолом рубашки, прицепили этот узел к веревке, которая проходила через блок, привешенный к потолку, и, пиная ногами по ребрам, начали небольшими рывками подтягивать меня вверх. Сначала я прогнулся, живот еще оставался на полу. Было безумно больно. В тот момент, когда я оторвался от пола, потерял сознание. Очнулся я через некоторое время, после того как меня облили водой. Вокруг стояли все те же, а мою руку держал врач в халате и щупал пульс. После этого меня спросили: «Будешь говорить?» Я опять сказал, что ничего не знаю. Окружающие ругались матом. Процедура с подтягиванием повторилась еще два раза. После этого начальник тюрьмы, обращаясь к чекисту, сказал: «Ладно, пускай его отнесут в камеру, а то еще сдохнет и нам может попасть, так как он по спецнаряду».

Ретивые искатели «врагов народа», случалось, арестовывали подростков и младше двенадцати лет, обвиняя их по 58-й статье. Так произошло и в Ленинск-Кузнецке. «Перегиб» был наказан публично, о чем и поведала «Советская Сибирь». Но не в детях, восемь месяцев просидевших в тюремных камерах, конечно, было дело. Ни судья, ни прокурор и словом не обмолвились по поводу абсурдности и дикости самого постановления «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних». Эту группу 10—11-летних подростков выпустили, а сколько двенадцатилетних осталось в тюрьмах!.. Нужно было продемонстрировать народу, как справедлива сталинская демократия и как строга она к нарушителям закона...

Леонид ПЕТРОВСКИЙ

Окончание. Начало на 18-й стр.

Они совершили убийство в сентябре прошлого года. Суд состоялся совсем недавно. Почему? Попав в следственный изолятор, они узнали, что ожидается утверждение новых Основ уголовного законодательства, по которым лицу, совершившему преступление в возрасте до восемнадцати лет (статья 68-я), срок лишения свободы за тяжкое преступление не может превышать семи лет (вместо нынешних десяти). Они поверили, что можно протянуть время, дожидаясь принятия новых Основ и сократить себе наказание минимум на три года. Вот и «выдавали» следователям прокуратуры по преступлению в месяц, откровенно тянули время.

О каком раскаянии тут можно говорить?

Пронский признался, что лично у него был еще и другой расчет: «Чтобы все успокоилось».

Один из восьми томов уголовного дела составляют коллективные письма жителей Белгорода и области. Десятки трудовых коллективов, включая профтехучилища, где учились Наумов и Пронский, требуют назначить им — в порядке исключения — смертную казнь.

Проводя закрытое слушание дела, суд сослался на то, что слишком много грязных подробностей, порочащих честь и достоинство потерпевших. Родители мальчиков потребовали провести открытое слушание той части дела, которая касается их детей, справедливо полагая, что город давно уже знает подробности и судебное разбирательство не сможет обезопасить их детей в большей степени, чем это сделали преступники. К ним не прислушались.

Устроители процесса добились своего. Зал был пуст. Не было ни одного представителя от белгородского комсомола, от местной прессы. Закрытое слушание, кому-то оно стало удобным поводом не прийти. Закрытость судебного разбирательства, по существу, оказалась выгодной убийцам. Они и здесь добились своего: «Все успокоилось».

Успокаивали долго. Устно и в местной печати. «Требования смертной казни, — писал в «Белгородской правде» начальник следственного управления областной прокуратуры О. И. Васильченко, — следствие грубейшего правового невежества. Ранее, в период пребывания Л. И. Брежнева на посту Председателя Президиума Верховного Совета СССР, был случай, когда Президиум Верховного Совета СССР разрешил «в порядке исключения» применить смертную казнь к лицу, не достигшему 18-летнего возраста. Но такие «вольности» не только не способствовали укреплению авторитета закона, а, наоборот, порождали к нему неуважение, толкали следователей, прокуроров и судей к нарушению закона. В отношении несовершеннолетних исключительная мера наказания не может быть применена. Об этом прямо сказано в статье 24-й Уголовного кодекса РСФСР. Закон есть закон, и никому не дано право его нарушать».

Можно добавить, что в 1973 году СССР присоединился к Международному пакту о гражданских и политических правах, согласно которому смертный приговор не может выноситься за преступления, совершенные лицами моложе 18 лет. К этому пакту присоединилось подавляющее большинство стран мира.

Да, законы требуют неукоснительного соблюдения. Но давайте прислушаемся к доводам тех, кто требует расстрела Наумова и Пронского. «Только в нашем институте, — читаю в одном из писем, — оказалось более трех тысяч «правовых невежд». Нет, не так просто было любому из нас решиться поставить свою подпись. Но нам ясно, что преступники не только не раскаиваются, но и ведут себя как победители. Так можно ли ждать от них исправления? После 10-летней «стажировки» в местах лишения свободы они будут уби-

вать еще изощреннее. Вновь будут жертвы. Так не будет ли преступлением перед этими новыми жертвами приговор, сохраняющий убийцам жизнь? Законы принимаются для защиты народа и одобряются народом. Защищает ли сегодняшний закон наших детей от несовершеннолетних убийц? Нет, не защищает. Одобряется ли этот закон народом? У нас в Белгороде — нет. Если бы об этом преступлении знали все советские люди, думаю, что большинство высказало бы точно такое же мнение. Так почему же нельзя отменить закон, который в большей степени защищает убийц от смертной казни, чем наших детей от этих убийц?»

Рядом с этим письмом у меня на столе лежит заметка под заголовком «Вернется ли гильотина?». В ней говорится, что с требованием восстановить смертную казнь за особо жестокие и опасные преступления выступил во французском сенате бывший министр внутренних дел. Он не уверен, говорится в заметке, что его законопроект пройдет через Национальное собрание, и поэтому намерен обратиться к народу. И совсем недавно в программе «Время» прозвучало сообщение о том, что в США были приговорены к смертной казни подростки 15—16 лет, совершившие особо тяжкие преступления.

Что же получается? Во Франции и США такие же «правовые невежды», как и в Белгороде? Или все-таки там обращаются с законом так, как с ним и надо обращаться, видя в нем инструмент борьбы с преступностью, а не мертвую строку, которую нельзя переписать заново. На Западе ужесточают ответственность несовершеннолетних за особо тяжкие преступления, исходя из того, что современный 15—17-летний подросток вполне зрелая личность. Наши же законодатели, ударяясь в крайность, понижают потолок уголовной ответственности с десяти до семи лет. Так что же в большей степени невежествен в правовом отношении?

Двадцати семи потерпевшим судья говорил одну и ту же фразу: «За дачу ложных показаний вам грозит уголовная ответственность до семи лет лишения свободы». Такая же кара грозит несовершеннолетним насильникам и убийцам, если статья 68-я новых Основ будет принята в том виде, в каком она разработана законодателями. Это ли не абсурд?

Работники правоохранительных органов справедливо предупреждают, что подобное ослабление уголовной ответственности приведет к увеличению числа наемных убийц среди несовершеннолетних. Не исключено также, что сами потерпевшие будут прибегать к услугам наемных убийц, чтобы отомстить. Выслушав это предположение, Антонов сказал мне: «И я бы нанял!» Сказал в горе, в отчаянии. Но ведь сказал!

Еще раз перечитываю сообщения пресс-группы УВД Белгородского облисполкома. «28 февраля 1989 года Максим Викторович Шарчев (1973 года рождения) ушел из дома и не вернулся». «15 апреля ушел из дома и не вернулся Галицкий Владимир Афанасьевич, 1970 года рождения». Хорошие лица у этих ребят. Где они? Что с ними случилось? Всего в прошлом году в Белгороде пропало без вести 236 человек. Сколько таких, бесследно исчезнувших, по всей стране? Тысячи? Десятки тысяч? Люди пропадают без вести, словно вокруг идет война.

Кто знает... Если бы не смелость парня, видевшего, как Наумов и Пронский уводили мальчиков, не побоявшегося сказать об этом родителям, и если бы не активность родителей, Женя Лунин и Роман до сих пор числились бы в списке без вести пропавших.

Когда этот материал готовился к печати, суд еще не вынес своего приговора. Мы знали только, что обоим убийцам грозит наказание сроком до 10 лет лишения свободы. Год они уже отсидели. Примерно через пять лет они могут освободиться...

НОЧНОЙ

Григорий ГЛАЗОВ

ПАСЬЯНОС

18

Задержанный в аэропорту за спекуляцию водкой шофер такси Смотрицкий сидел в кабинете следователя — в маленькой комнате с одним окном, где, кроме стола, четырех стульев и старого, обшарпанного сейфа, ничего не было.

Смотрицкий был хмур и небрит.
 — Значит, решили заработать? — спросил следователь. — За бутылку — десятка. Неплохой навар.
 — Да, — вздохнул таксист. — Врать не стану.
 — Очень правильная мысль... Сами-то пьете?
 — Нет! Ей-богу, нет!.. Печень больная, нельзя мне.
 — Вот и вышло, как в поговорке: «Хмельного в рот не берет, а на своих ногах зашатался». Так, что ли?.. Сколько же у вас всего было водки?
 — Тридцать поллитровок.
 — И давно занимаетесь таким промыслом?
 — Первый раз! Никогда в жизни... до этого!
 — Допустим... Водку-то оптом брали? В каком магазине? Левую?
 — Не в магазине я... С рук.
 — Ворованная, что ли?
 — Выходит.
 — Кто же ваши снабженцы?
 — Сосед мой и его дружок. В ПТУ учатся.
 — Как часто они вам сбывают краденое?
 — Я ж говорю, это первый раз!
 — А сами где берут? Поинтересовались?
 — Спросил. Отмахнулись, не твое, мол, дело. За полцену отдали, чоком.

— Оптовики, значит, — усмехнулся следователь. — Фамилии их знаете?
 — Сосед — Лупол Витька. С теткой живет в шестой квартире. Родители в селе. Второго только по имени знаю — Федька...
 Беседовали они еще с полчаса.
 — Прочтите и распишитесь. — Следователь пододвинул ему протокол допроса.
 Смотрицкий подписал бумагу, не читая, и тихо спросил:
 — Куда же мне теперь?
 — Он вам скажет, — кивнул следователь в сторону двери — там уже стоял непонятно каким образом возникший сержант, дверь приотворена...
 После полудня взяли одного, прямо из дому, к вечеру — другого, из общежития ПТУ. Особых хлопот с ними не было. Никаких противоречий в показаниях. Сразу и точно назвали, где, когда и сколько взяли водки. Все оказалось проще пареной репы: возвращались из училища, шли мимо Армянского собора, увидели, как подъехала грузовая машина, привезшая ящики с водкой, проследили, куда их сгружают, а ночью отправились на промысел.
 Следователь выяснил, что в подвале собора находились складские помещения разных организаций. Водку там хранил райторг. Вызвали представителя, он посчитал и подтвердил, что недостает тридцати бутылок.
 Когда с воришками отправились на место преступления, они, не путаясь, прямоком привели к отсеку, показали, как взломали замок, нашлось и орудие — ломик, который они бросили через забор в бурьян соседнего двора.

— Это тоже ваших рук дело? — обратил внимание следователь на соседнюю дверь с выдранный дужкой щеколды. — Что здесь взяли?

— А ничего. Бумажки там. Мы думали, консервы, — прогнусавил старший.

Следователь вошел в отсек, осветил фонариком. Увидев вскрытые ящики, заглянул в один-другой. Там лежали какие-то туго набитые папки.

— Кто арендует это помещение? — спросил следователь у участкового.

— Областной архив.

— Понятно... Что ж, поехали...

Пока шли к «уазу» с зарешеченными окнами, следователь думал, что дело закончено, можно писать обвинительное заключение и отправлять районному прокурору для передачи в суд, а мальчишки перешептывались между собой.

— Надо бы сказать про того, с фонариком.

— Поможет нам, что ли? На хрена он им нужен.

— Все-таки...

— Не лезь. Мало ли кто это был... Нам с ним путаться ни к чему...

— Вы что там, собеседники? — посмотрел на них следователь. — Еще набеседуетесь, времени будет достаточно.

— Мы видели в подвале еще одного, — не выдержал младший.

— Ишь, «еще одного»! Это кого же? — недоверчиво сказал следователь.

— Не знаю. Пришел с фонариком, покрутился и ушел.

— Хватит сочинять! Садись в машину! — В голове у следователя почти сложилось несложное обвинительное заключение, ему мешали посторонние разговоры, отвлекали, да и вникать в них не имело смысла, когда все уже в этом заурядном деле стало на свои места... Поехали! — скомандовал он, и «уазик» покатил по брусчатке.

19

С отбором документов для передачи в соседнюю область Ярослав Романец провозился две недели. Теперь гора папок почти заполонила его комнату и еще одну, в конце коридора, где стояла газовая плита и куда сотрудники приходили вскипятить воду в коллективном белом чайнике с облупившейся эмалью.

гавшегося за конечной трамвайной остановкой, ждали Щербу у подъезда. Он увидел их, когда, сойдя с трамвая и пересекая пути, двинулся через дорогу к дому, где жил Богдан Григорьевич.

Познакомились, и Щерба сказал лейтенанту:

— Звоните.

Звонок, громкий, дребезжащий, был слышен даже по эту сторону двери.

Долго никто не открывал. Наконец раздался голос:

— Кто?

— Свои, свои, Теодозия Петровна. Ваш участковый. Лейтенант, понятия и Теодозия Петровна вошли в комнату, но жались у двери, видимо, лейтенант велел им держаться поближе к порогу.

— Кто убирал у него? — повернулся Щерба к Теодозии Петровне.

— Я, — тихо ответила она.

— Как часто?

— Раз в неделю.

— Когда последний раз убрали пыль с подоконника?

— За три дня... — Она не знала, как сказать дальше — «до смерти» или «до убийства», но Щербе было достаточно и первых трех слов.

Он долго осматривал окно и подоконник, затем дужкой очков приподнял бумаги на столе, открыл картонную крышку календаря-еженедельника, перелистал все семь блокнотиков за последнюю неделю до убийства. Записей было немного: «Деньги за квартиру», «8 р. Зубареву. Том Кони дефектный», «Теодозии — клофелин», последней была запись на листке субботнего блокнотика: «Сегодня фотокопии в 16 ч.». Поразмыслив, Щерба решил забрать календарь с собой. Потом, присев, выдвинул за дном ящики пись-

менного стола, аккуратно изучил их содержимое, наткнулся на паркеровскую авторучку, которую когда-то с Голенком подарили Богдану Григорьевичу. Лежало здесь несколько рулончиков фотопленки, неполных, по шесть-семь кадров. Посмотрев их на свет, Щерба понял, что это фотокопии каких-то документов. При том собирательстве, каким занимался Богдан Григорьевич, фотокопии старых бумаг — дело естественное.

Закончив осмотр комнаты, Щерба позвал Теодозию Петровну. Все это время она стояла возле тумбочки у двери, робко сложив на животе руки и, вместе с тем, придирчиво и неодобрительно наблюдая, как этот чужой толстый лысеющий человек слишком уж по-хозяйски, свободно разгуливал по комнате, все рассматривал и трогал.

— Теодозия Петровна, вы хорошо знали жизнь покойного? — спросил Щерба. И, не ожидая ответа, добавил: — Посмотрите, пожалуйста, повнимательней и спокойно, что здесь не на месте, чего не хватает. Только руками ничего не надо трогать.

Она медленно повела взглядом по стенам, затем долго изучала стол и подняла глаза на Щербу:

— Про книги и бумаги всякие не знаю, может, что и пропало, как узнать? А вот кабана точно нет. Он у покойного всегда на столе стоял.

Щерба понял, речь шла о бронзовом пресс-папье. Сейчас оно в сейфе у Скорика — орудие убийства, вещественное доказательство. Он подошел к старому фанерному платяному шкафу, распахнул его. Даже зная скромный образ жизни и материальные возможности Богдана Григорьевича, удивился почти полному отсутствию вещей: на вешалке обвис старый плащ, поверх которого висело поношенное, из тяжелого си-

него сукна пальто. Внизу, на днице, стояли утепленные, тщательно вычищенные коричневые ботинки. Из четырех бельевых полок одна была свободна. На остальных лежали две или три рубашки с длинными, как ослиные уши, углами воротничков, две пары зимнего белья, трусы, майки, несколько пар носков, галстуки и стопка носовых платков, четыре простыни, один пододеяльник и наволочки с простыми желтоватыми кальсонными пуговицами.

— Взгляните-ка, Теодозия Петровна, — позвал Щерба.

Она подошла, чуть склонила голову, словно перечитывала содержимое шкафа, потом сказала:

— В старых туфлях его похоронили. А вот черных, банкетных, прошу пана, нет. Все остальное тут. Я столько раз стирала все это. А туфель нет, этих, банкетных, — повторила она.

— Что значит «банкетных»? — спросил Щерба.

— Он, прошу вас, был меценас¹. Когда шел куда по важным делам, надевал их. Черные такие, эlegantские, почти новые. Любил их. Может, ваши из милиции, когда приехали в ту ночь, увезли их. Про то не знаю. Только нет их. Они если не за дверью на подстилке, то завсегда здесь стояли, в шкафу.

Действительно, осматривая комнату, Щерба нигде не наткнулся на обувь. Но сейчас, после слов Теодозии Петровны, он, кряхтя, опустился на колени и заглянул на всякий случай под кушетку. Но там было пусто. У кушетки стояли старые шлепанцы из зеленого сукна...

Оформив все протокольные дела, опять опечатав комнату, Щерба отпустил понятия и лейтенанта. Сам же решил допросить Теодозию Петровну.

Она повела его на кухню.

¹ Меценас (местное) — адвокат.

— Красивая у вас кухня,— сказал Щерба, садясь за столик, покрытый льняной скатеркой.— У меня к вам несколько вопросов, Теодозия Петровна. Я ведь тоже знал Богдана Григорьевича, учился у него, бывал тут, правда, нечасто, поэтому вы меня не помните.— начал он доверительно и взглянул на нее, гадая, приняла ли она такой мягкий, неофициальный посыл, не смутил ли ее бланк протокола, лежавший перед Щербой.

Теодозия Петровна молчала.

— Как вы считаете,— спросил Щерба,— каким образом убийца проник в квартиру? Ключи мы нашли у Богдана Григорьевича в кармане брюк, в которых он был.

— Это другие. Одни он потерял. Я нашему слесарю заказывала, из ЖЭКа.

— А как фамилия слесаря?

— Войтюк Игнат Петрович.

— Давно Богдан Григорьевич потерял их?

— Не так уж давно.

— Мог ли Богдан Григорьевич впустить незнакомого человека?

— Выходит, впустил, прошу пана.

— А почему вы считаете, что это был незнакомый?

— Что мне считать! Он кого хочешь мог впустить.

— Что, так часто к нему приходили?

— Никто к нему не приходил.

— Вообще? Что же, у него знакомых не было?

— Может, и были где на стороне, а сюда редко заходили.

— Вы их видели?

— Кого?

— Этих, которые хоть и редко, но заходили?

— Мне они зачем? Ему звонили, он и открывал.

— А в этот раз вы звонок слышали?

— Не было меня. С утра я ушла.

— А вернулись когда?

— Уж стемнело, после девяти.

— А вы бы слышали, если бы кто позвонил?

— Может, и услышала б.

— У вас телевизор есть, Теодозия Петровна?

— А как же!

— Возможно, телевизор работал, и вы не услышали. Давайте попробуем, а? Вы пройдете в комнату, включите телевизор погромче. Слух у вас хороший?

— А с чего мне гложуть?!— пожалала она обидчиво плечами и направилась в комнату. Щерба пошел за нею. Теодозия Петровна включила телевизор, подождала, пока он нагрелся, затем Щерба направился по коридору к входной двери, вслед ему уже летела какая-то песня. Приоткрыв дверь, Щерба нажал на наружном косяке красную кнопку. В глубь квартиры понесся резкий, трещащий звон.

— Ну что, Теодозия Петровна, слышали?— спросил он, вернувшись в комнату.

— Сказала же вам, не глухая я. Тут и покойник услышит, прошу вас.

«Это уж точно»,— подумал он, вспоминая силу звонка.

— Значит, в тот день никто не звонил?

— Откуда мне знать? Может, кто и звонил, когда меня не было.

— А переписку он вел какую-нибудь? Может, письма сохранились?

— Никто ему не писал.

— Какое у вас давление, Теодозия Петровна?— Он отложил ручку.

Она удивленно посмотрела на него.

— Гипертония у меня.

— У меня тоже,— вздохнул Щерба.— А что принимаете?

— Клохвелин какой-то.

— Вот,— усмехнулся Щерба и вынул из кармана баночку с таблетками клофелина.— С собой таскаю. Теодозия Петровна, а Богдан Григорьевич аккуратно платил за квартиру?— неожиданно спросил он.

— Прямо! Платил он!— хмыкнула Теодозия Петровна.— Он и дороги-то туда не знал, только деньги давал, а я ходила. Его расчетная книжка всегда у меня, в серванте.

— Вам фамилия Зубарев знакома?

— Нет, не знаю.

— Теодозия Петровна, а как у вас сложился тот день? Утром, значит, вы ушли. Так?..

27.

Теодозия Петровна вышла из дому утром. У порога комнаты Богдана Григорьевича на подстилке стояли аккуратно вычищенные им туфли. «Значит, дома»,— удовлетворенно отметила Теодозия Петровна. День у нее предстоял длинный, вернуться собиралась поздно. Вместо утерянных ключей Богдан Григорьевич имел теперь новые, сделанные знакомым слесарем из домоуправления, так что в дом попасть сможет самостоятельно.

Сделав почти все, что намечала, Теодозия Петровна отправилась в церковь Петра и Павла на вечернюю службу...

Из церкви она вернулась пешком. Уже стемнело. Не зажигая лампочку в прихожей, покосила взглядом на дверь Богдана Григорьевича. Из щели под дверью пробивался слабый свет. На подстилке туфель не было. «Что же это, ушел и свет забыл погасить, а счет-

чик, небось, вертится и копеечки складывает,— подумала Теодозия Петровна, заворачивая за угол в свой коридорчик.— Куда же на ночь глядя, в какие гости?»

Разложив по местам всякие мелкие покупки и облачившись в домашнюю одежду, она поставила чайник на плиту, зажгла газ, отрезала тонкий ломтик хлеба и три кружочка колбасы. Затем достала маленький старинный ларец, в котором было два отделения для двух колод карт. Сегодня она решила повторить вчерашний неполучившийся пасьянс: никак не находил себе места бубновый король. Теодозия Петровна отыскала его, посмотрела укоризненно, как на живого, втиснула опять в колоду, перетасовала карты и включила телевизор.

Раскладывая карты в ряды и поглядывая на экран телевизора, Теодозия Петровна вместе с тем прислушивалась, желая поймать момент, когда заявится Богдан Григорьевич. Но его все не было, и все больше смущало ее, что в комнате соседа горит свет. И тут вдруг вспомнила, что на подстилке у порога было пусто. Он обычно оставлял там шлепанцы, когда уходил... Странно... Но тут начался фильм. Пальцы достали из колоды того самого бубнового короля, и, к радости Теодозии Петровны, ему сразу же нашлось место.

В какой-то миг показалось, что стукнула входная дверь, щелкнул замок. Теодозия Петровна вышла в свой коридорчик, прислушалась, ловя шаги Богдана Григорьевича. Но все было тихо. Она вернулась в комнату и услышала, как в ночной тишине раздался металлический удар захлопнувшейся дверцы автомобиля, как заворчал, а потом взревел мотор. Подойдя к окну, успела увидеть, что машина, стоявшая двумя колесами на тротуаре, отъехала.

В три закончился фильм. Теодозия Петровна выключила телевизор и, как человек, следующий всем правилам, выдернула шнур из розетки, затем сложила в ларец карты, расстелила постель. Но мысль о странном поведении соседа не давала покоя. Теодозия Петровна вышла в свой коридорчик, через прихожую направилась к двери Богдана Григорьевича. Тихонько постучала. Но никто не откликнулся. Постучала еще раз, громче, подождала и осторожно открыла дверь. В полумраке комнаты, освещенной низкой настольной лампой с тяжелым матовым стеклом абажура, она увидела лежащего на полу Богдана Григорьевича. Теодозия Петровна вскрикнула, зажала рот ладонью, словно испугавшись, что ее кто-то может услышать. Она сжала на груди руки, со страхом приблизилась к Богдану Григорьевичу, не зная, жив он или мертв. Ей почему-то сразу бросилось в глаза, что он был в **шлепанцах**. Она с ужасом наклонилась над ним, ощутила слабый запах пива, увидела, что веки широко открыты, взгляд неподвижно мертв, из-под головы расте-

лось небольшое темное пятно.

— Богдан Григорьевич, Богдан Григорьевич,— тихо позвала Теодозия Петровна, боясь прикоснуться к нему.

«Это у него удар... Или сердце,— подумала она.— Упал, разбил голову... Господи, смилуйся, не дай ему умереть».

Пятясь, она вышла из комнаты и позвонила в «Скорую»...

«Скорая» прибыла минут через сорок. Вошел тучный высокий немолодой человек с измученным одутловатым лицом. Белый халат его был явно тесен и туго обтягивал тяжелые плечи.

— Вы вызывали?— спросил он.

— Я,— робко отозвалась Теодозия Петровна, только сейчас увидев за спиной врача юношу-санитара, несшего деревянный сундучок.

— Где больной?— спросил врач.

Теодозия Петровна указала на открытую дверь, а сама осталась в дверном проеме и видела, как врач присел на корточки у тела Богдана Григорьевича, почти заслонив его, рядом стоял санитар. Теодозию Петровну бил озноб, она никак не могла унять дрожавшую челюсть, мелкое постукивание зубов.

— Тут, уважаемая, не «Скорая помощь» нужна, а милиция,— врач подошел к ней, вытирая руки носовым платком.— Он мертв. Где у вас телефон?

Она указала на аппарат, чувствуя, что ноги стали соломенные, и, опершись спиной о стену, слушала, как врач говорил кому-то, называя ее адрес:

— Да-да... Труп... Доктор Тисляк из тринадцатой бригады... Т-и-с-ляк,— повторил он.— Хорошо... понял...— и, повесив трубку, сказал Теодозии Петровне:— До их приезда вы туда не входите и ничего не трогайте... До свидания.

Когда они ушли, она уселась на табурет перед раскрытой дверью в комнату Богдана Григорьевича, тупо уставившись в ее глубину, где в полумраке виднелся край письменного стола, кушетка и часть стеллажей...

Таким предстал перед Щербой рассказ Теодозии Петровны. Что ж, все было гладко, достоверно, убедительно. По словам соседки Шимановича, ее насторожили два факта: отсутствие туфель на подстилке у двери и в то же время свет, горевший в комнате Шимановича, никогда не входившего, по ее словам, к себе в туфлях. И туфли эти, «банкетные», как она сказала, действительно исчезли. Надевал он их по особым случаям, для какого-нибудь визита. Куда же он в этот день ходил? И еще. Получалось, что убийца пришел, когда соседки дома не было. Позвонил, и Шиманович открыл дверь...

Продолжение следует.

«ПЯТЬДЕСЯТ на ПЯТЬДЕСЯТ»

Уважаемые читатели! Продолжаем социологический опрос в области поп- и рок-музыки, начатый нами в пятом номере «Смены». Благодарим всех читателей, приславших свои оценки и письма в адрес передачи «50 на 50», которая состоялась в Кишиневе. Результаты телелотереи и ее победителей (выпуск № 2) можно будет узнать, посмотрев третий выпуск телешоу. Предлагаем оценить выступление групп и исполнителей, которые приняли участие в концертах «50 на 50», состоявшихся в Ростове-на-Дону. Высший балл — 5!

Исполнительское мастерство (вокал)	Самобытность!	Репертуар!	Артистичность!
Группа «СВ»			
Группа «Примус»			
Группа «НРГ»			
Группа «Планета X»			
Группа «Спрут»			

2. Кого из перечисленных исполнителей вы хотели бы видеть в финале конкурса «50 на 50», который состоится в конце года?

А теперь несколько слов о себе (обведите соответствующие данные кружочком):

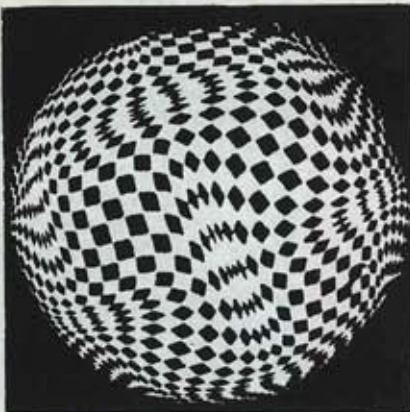
3. Ваш пол
001 — мужчина
002 — женщина

4. Ваш возраст:
003 — до 20 лет
004 — от 21 до 30 лет
005 — от 31 до 40 лет
006 — от 41 до 50 лет
007 — старше 50 лет

Где вы живете?

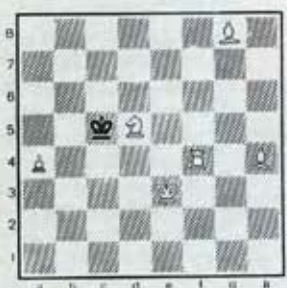
5. Ваша профессия?

6. Как давно выписываете «Смену»?
008 — до 1 года
009 — от 2 до 5 лет
010 — от 5 лет и выше

31-я шахматная олимпиада
Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

Тринадцатый тур

Белые: Крe3, Кd5, Лf4, Сg8, Ch4, п.а4 (6)
Черные: Крс5 (1)
Мат в 3 хода (3 балла)

II

Белые: Кре6, Сf1, п.а7, h6 (4)
Черные: Крb7, Ла1, п.g4 (3)
Ничья (3 балла)

III

Белые: Крg7, Ch5, п.d6 (3)
Черные: Крb2, Ле4, Сс6 (3)
Ничья (4 балла)

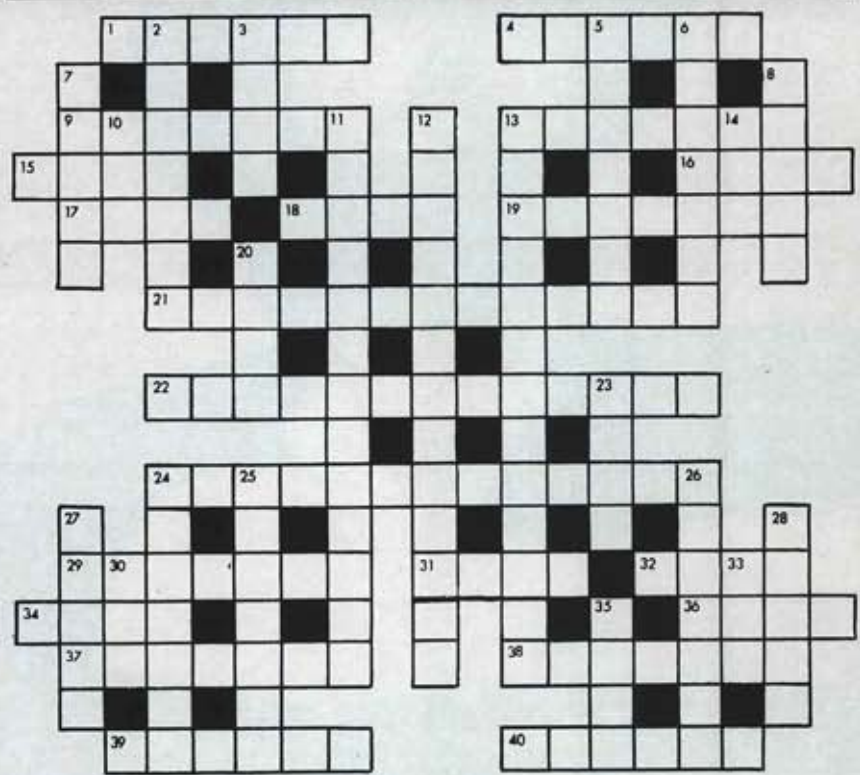
Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов!) с пометкой «31-я шахматная олимпиада. XIII тур». Последний срок отправки писем (по почтовому штемпелю) — 15 ноября.

Решения этюдов (задания II и III) просим присылать на отдельных открытках.

В № 12 «Смены» в миниатюре А. Галицкого допущена опечатка в решении задачи. Вместо 3. Фh5 следует читать 3. Фh4, а вместо 2... Фе7 следует читать 2... Кре7. Просим извинения у участников шахматной олимпиады.

КРОССВОРД

Составил И. Белоцкий, Гомель

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Стелющаяся трава, закрепитель песков. 4. Лихой всадник в американских вестернах. 9. Советский живописец, первым наставником которого был К. Коровин. 13. Английский путешественник. В его честь названо море в Антарктике. 15. Чувство, необходимое музыканту. 16. Испанско-португальский род мистери. 17. Правый приток Северной Двины. 18. Гриб для муравья, нашедшего под ним убежище во время дождя. 19. Рассказчик о Максиме Максимыче: «Мне страх хотелось вытянуть из него какую-нибудь историюку — ... свойственное всем путешествующим и записывающим людям» (М. Лермонтов. «Бэла»). 21. Наука о лекарственном сырье, первые шаги в которой сделал Абу Рейхан Бируни. 22. Пристань на Ладожском озере, носившая названия

Орешек, Нотебург, Шлиссельбург. 24. Соня как невеста Долохова в «Войне и мире» Л. Толстого. 29. Английская писательница, чье творчество повлияло на Д. Байрона и В. Скотта. 31. Русский напиток, впервые упомянутый в летописи 1056 года. 32. Место в лесу, где герой был так потрясен, что потерял всякий интерес к жизни (Ги де Мопассан. «Гарсон, кружку пива!..»). 34. Денежная единица Японии. Первоначально в хождении были только золотые монеты. 36. Снег, о который легко порезаться. 37. Африканское государство, где сейчас строят новую столицу. 38. Азбука, письменность. 39. Оценка, грозящая ученику, не знающему урок. 40. Самоцвет, который носили как амулет, предохраняющий от несчастных случаев во время путешествия.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

2. Немецкий физик, высказавший предположение, что Солнце состоит из раскаленной жидкой массы, окруженной атмосферой пара. 3. Огороженная спортивная площадка, на которой Э. Хемингуэй чувствовал себя вполне уверенно. 5. Хорошо плавающая собака, обученная спасать утопающих. 6. Пароход в новелле С. Цвейга «Амок», названный по большой группе островов, в которую входит Полинезия. 7. Пройдоха, проныра. 8. Растение, чей корень есть в микстуре от кашля для детей. 10. Мощное животное, с которым в «Слове о полку Игореве» сравнен князь Всеволод. 11. Метод разделения и анализа смесей, которым широко пользовались ученые А. Мартин, Р. Синг, М. Цвет. 12. Русский математик. Любил потешаться над своим высоким ростом, из-за которого с трудом подбирал себе

гардероб. 13. Главный порт в восточной части Индонезии. 14. Имя француза, одного из самых прославленных революционных поэтов XX века. 20. Бог любви, которого, по философу Пармениду, создала Афродита. 23. Детская забава А. Фета, ставшая делом его жизни. 24. Один из самых известных советских языковедов. 25. Площадка для солнечных ванн. 26. Повторение слова или группы слов в начале нескольких фраз как стилистический прием. 27. Военная куртка, названная именем английского генерала. 28. Благородный олень, чувствующий себя беспомощным на глубоком снегу. 30. Древняя столица Армении. 33. Предмет в снаряжении древнегреческого воина, который нередко был художественной ценностью. 35. Зазнайка, недотрога.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 16

По горизонтали:

1. Буря. 5. Людвиг. 10. Мензбир. 12. Железо. 13. Студеное... 14. Челеста. 15. Йогурт. 17. Деготь. 18. Вепрь. 19. Терем. 25. Рулада. 26. Квинтилиан. 28. Юдина. 29. Зарница. 30. Сплав. 33. Индивидуум. 34. Форель. 38. Калла. 39. Хулио... 43. Лосьон. 45. Япония. 46. Ошейник. 47. Штандарт. 48. «Алмаст». 49. Даренье. 50. Пергам. 51. Щель.

По вертикали:

1. Белуга. 2. Резерв. 3. Серебро. 4. Узбек. 5. Лиственница. 6. Юрта. 7. «Водоем». 8. Ганнон. 9. Джойс. 11. Цевье. 16. Тейде. 17. Девиз. 20. Урядник. 21. Планида. 22. ...свинтус... 23. Дисплей. 24. Анталья. 27. Манделъштам. 31. Авран. 32. Нория. 35. Мурильо. 36. Олуша. 37. Эстамп. 38. Кондор. 40. Ополье. 41. Янтарь. 42. Пасть. 44. Эйгес. 46. Орда.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА '89

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 17 (1495) СЕНТЯБРЬ

Главный редактор
Михаил КИЗИЛОВ

Редколлегия:

- Сергей БАБКИН (заместитель главного редактора)
- Борис ДАЮШЕВСКИЙ (заместитель главного редактора)
- Александр КУЛЕШОВ
- Андрей КУЧЕРОВ
- Альберт ЛИХАНОВ
- Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
- Сергей ПОПОВ (ответственный секретарь)
- Юрий РАГОЗИН
- Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
- Евгений РЯБЧИКОВ
- Вадим САЮШЕВ
- Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
- Владислав СЕРИКОВ
- Виталий ФЕДОРОВ (главный художник)

Художник
Владимир ЗАЙЦЕВ
Технический редактор
Елена НАЗАРОВА

Сдано в набор 20.07.89.
Подписано к печати 02.08.89.
А 00333. Формат 70 × 108 1/4.
Бумага для глубокой печати.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.
Усл. кр.-отт. 19,60. Уч.-изд. л. 10,26.
Тираж 2 500 000 экз.
Заказ № 982.
Цена 35 коп.

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки,
212-21-38 — коммунистического воспитания,
212-23-79 — фотоочерка,
251-32-84 — военно-спортивный,
251-32-84 — международной жизни,
251-04-10 — литературы и искусства,
212-11-27 — писем и массовой работы.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописные страницы) редакцией не рассматриваются.

Объясните, пожалуйста, свое собственное изображение на обложке. Почему вы избрали именно такую «скульптурную композицию»?

— Я избрал композицию «музыкант с гитарой», потому что роль удерживать в руках мне было бы тяжело. Вы известный композитор. Почему вы вдруг решили запеть? Вам не хватало денег, славы?

— Славы мне хватало, как вы понимаете, — я сам Слава. Что же касается пения, то пел я всегда, но только для узкого круга, а отдельные блюстителю застоя не позволяли мне этот круг расширить. Потому, наверное, я сильно застоялся — и когда блюстителю не стало, меня прорвало, и я запел на всю страну. А что до денег, то музыкант всегда найдет, где и как заработать.

Вы узнали, что перестройка потерпела поражение. Ваши действия? Поступки?

— На баррикады я, пожалуй, не вышел бы, а стал бы снова петь для узкого круга, а для широкого — сочинять песни «протеста», которые всегда и с неизменным успехом исполняли наши маститые артисты.

Какое влияние на ваше творческое состояние оказывает ваша борода?

— Я по характеру человек ироничный и по отношению к себе и к другим, а борода позволяет мне прятать ироническую улыбку, когда я сам исполняю некоторые свои песни — правда, к сожалению, некоторая часть слушателей воспринимает эти песни подчас слишком буквально и всерьез, не замечая иронии.

Как, по-вашему, за что вам дали премию Московского комсомола?

— В основном, наверное, потому, что я не ленинградец, а москвич. Ну, а кроме того, чтобы получить такую премию в известные времена, приходилось писать песни о БАМе и других эпохальных событиях, хотя в душе я лирик, а не физик.

Ну, а сегодня, чтобы удостоиться этой премии, достаточно — это я опять с иронией — написать или спеть такую песню, как, например, «Мадонна».

На вопросы анкеты
отвечает певец
и композитор

Вячеслав ДОБРЫНИН

Говорят, что вы самодовольны и часто завидуете успехам своих коллег. Это правда?

— Глупости все это. А впрочем, пусть говорят! Думается, эти коллеги имеют больше оснований завидовать мне, чем я им.

Какую песню вы бы спели, пригласи вас на торжественный обед в Кремль?

— В зависимости от того, какое было бы меню.

На что вы собираетесь истратить все заработанные вами деньги?

— Я еще не заработал столько денег, чтобы купить все, что я хочу.

Как, по-вашему, благодаря какому событию

ваши песни стали пользоваться популярностью?

— Ну, скажем, благодаря снижению общего уровня культуры у любителей эстрадной песни, связанному с исчезновением из обихода мыла и сахара и усилением самогонварения.

Кто первым поверил в ваше призвание: вы сами или окружающие?

— Окружавшая меня с детства мама. Первый раз я проявил музыкальные способности года в три и по неопытности даже не понял, что именно я проявил.

Когда вы в последний раз были, мягко говоря,

неискренни или, грубо говоря, соврали: себе или окружающим?

— Может быть, в последнем разговоре с инспектором ГАИ, а может быть, в одном из ответов на эти вопросы. Памятник какому деятелю вам больше всего нравится? Почему?

— Жаль, что я еще не дважды Герой, а то мне было бы легко ответить на этот вопрос. Впрочем, какие мои годы!

Назовите певцов, которым вы бы не доверили исполнение своих песен.

— Вы хотите, чтобы у меня появилось врагов еще больше, чем есть? Нет уж, увольте!

Как вы считаете, какой

категории людей могут напрочь не нравиться ваши песни и музыка?

— Той, которой нравятся, например, модные ансамбли типа «Аквариум», «Террариум», «Кино», «Домино», «Телевизор», «Холодильник» и другие бытовые приборы.

Один мудрец сказал: «Я никогда не был занят так, как в свое свободное время». Как вы понимаете это высказывание применительно к вашему образу жизни?

— Я и не знал, что до меня уже кто-то пришел к подобному выводу. За что вы любите творчество Игоря Николаева?

— Вопрос, конечно, провокационный, да

и слово «любите» отдает декадентством... Просто мне было отроду узнать однажды от Игоря, что он всегда считал мои песни примером для своего творчества, поэтому я относился к нему, как всякий учитель к своему ученику.

Когда вы в последний раз испытывали состояние влюбленности?

— Я из этого состояния не выхожу. С таким же успехом вы могли бы спросить меня, когда я последний раз дышал.

Кто конкретно мешал вам в вашей творческой жизни? Только честно.

— Мне всегда пытались мешать мои более маститые, но менее удачливые коллеги, и с их подачи все те же блюстителю застоя, о которых я уже говорил.

Какие комплименты вы больше всего любите слушать в свой адрес?

— Самый лучший комплимент, на мой взгляд, встретился в записке, присланной неизвестной девушкой на концерте в Новгороде: «Странно получается, немолодой как будто, а нравиться. Голоса нет — а слушать приятно».

Если у вас в доме случится пожар, что вы будете спасать и выносить прежде всего?

— Прежде всего — все живое, а потом пластинки и кассеты с песнями моих любимых «Битлз».

Что вам помогает в жизни расслабляться?

— Спорт. Но, к сожалению, не активный, а пассивный: смотрю все спортивные передачи по телевизору и очень сильно болею за московское «Динамо».

Чем вы займетесь, если завтра вашу музыку и песни «положат на полку» из-за того, что они перестанут интересовать публику?

— Другую работу искать не буду, а постарюсь использовать весь остаток своего таланта, чтобы вновь заинтересовать своего слушателя или, в крайнем случае, чтобы мою музыку и песни переложили на полку повыше. На какой из заданных вопросов вы ответили не совсем искренне?

— Думаю, если бы я был до конца искренним, наша беседа могла бы не стать достоянием читателей журнала.

БАЧЦ-

ПРЕДЕСТАП